

The image shows the front cover of a book. The cover is decorated with a traditional marbled paper pattern, featuring swirling, organic shapes in shades of yellow, green, and blue. On the left side, there is a vertical strip of a different material, likely cloth or leatherette, which serves as the spine of the book. The title is printed in a large, black, ornate serif font. The word 'МУЗЫКА' is on the top line, and 'РОССИИ' is on the bottom line. A decorative flourish extends downwards from the end of the word 'РОССИИ'.

МУЗЫКА
РОССИИ

Музыкальное
творчество
и музыкальная
жизнь
республик
Российской
Федерации

1980



МУЗЫКА РОССИИ

Выпуск 3

*Всесоюзное издательство
„Советский композитор“
Москва
1980*

Редакционная коллегия:

С. БАЛАСАНЯН,
А. ГРИГОРЬЕВА (составитель),
Е. ГРОШЕВА (редактор),
Ю. КОРЕВ, Ф. РУБЦОВ,
М. ТАРАКАНОВ

М $\frac{90103-267}{082(02)-80}$ 443-80 4905000000

© Издательство «Советский композитор», 1980 г.

ИЗ ПРОШЛОГО СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

ОПЕРА «МИНИН И ПОЖАРСКИЙ»

Музыка Б. В. Асафьева, либретто М. А. Булгакова

К истории создания оперы.

Публикация либретто

«Опера «Минин и Пожарский» (в 4 действиях 9 картинах) написана мною по заданию Всесоюзного комитета по делам искусств и Государственного академического ордена Ленина Большого театра СССР. Либретто М. А. Булгакова. Основная тема: защита родины, основной канвой сценария является возникновение и продвижение народного нижегородского ополчения и изгнание поляков-интервентов из Кремля (1612). Музыка оперы песенно-напевная, стремится воссоздать в реалистических массовых сценах через широко развитые хоровые ансамбли ряд картин могучего народного патриотического подъема».

Такой автокомментарий хранится в архиве Бориса Владимировича Асафьева среди материалов, отражающих его трехлетнюю работу над оперой (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, ед. пр. 90, лл. 63—63 об.). Работа композитора над созданием оперы протекала в тесном контакте с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, который был не только автором либретто, но и другом, и единомышленником композитора и вместе с ним разделил все радости и горести судьбы почти законченной, но не прозвучавшей со сцены оперы.

И писатель, и композитор работали с удовлетворением: тема их увлекала, перспектива постановки оперы на сцене лучшего театра страны поддерживала вдохновение, а договорные сроки не позволяли медлить.

Со времени этого события прошло больше сорока лет, и мы не вправе оставлять в забвении факт содружества наших замеча-

тельных современников Б. В. Асафьева и М. А. Булгакова, не вправе хранить на архивных полках то, о чем следует рассказать.

История создания оперы такова. В один из приездов в Москву Б. В. Асафьев, в то время ленинградец, был приглашен за кулисы Большого театра. С. А. Самосуд, только что вступивший на пост главного дирижера и художественного руководителя театра, производил осмотр имущества. В частности, просматривали занавесы, за долгие годы скопившиеся в театре в большом количестве. Один из них, в списке значившийся как «Въезд Михаила Романова в Кремль», привлек внимание своим мастерством исполнения. Но оказалось, — на занавесе был запечатлен совсем иной исторический эпизод — «Въезд князя Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина-Сухорука в Кремль», что убедительно доказал Б. В. Асафьев, прибавив при этом, что это отличный сюжет для оперы.

Так возникла идея. С. А. Самосуд загорается желанием обогатить репертуар Большого театра новой оперой; Б. В. Асафьеву предоставляется возможность осуществить давно вынашиваемый замысел создания русской патриотической оперы; предложение композитора обратиться к М. А. Булгакову с просьбой стать автором либретто было поддержано С. А. Самосудом и охотно принято писателем, который, кстати сказать, в скором времени стал заведующим литературной частью Большого театра.

Договор с Б. В. Асафьевым был заключен 21 июня 1936 года, где указано: срок представления клавира — 1 ноября 1936 г., партитуры — 1 января — 1 февраля 1937 г. (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 805, лл. 4-4 об.). Договор с М. А. Булгаковым был заключен 17 июня 1936 года.

Вероятно, здесь уместно сделать небольшое отступление и вспомнить о далеких годах нашей страны, вошедших в историю как Смутное время.

После убийства Лжедмитрия в 1606 году в Москве образовалось так называемое правительство В. И. Шуйского, которое в 1608 году заключило перемирие с Сигизмундом III — королем Речи Посполитой (как с 1569 года стала называться Польша, объеди-

ненная в единое государство с Литвой — Великим княжеством Литовским). По этому перемирию Москва отпускала всех пленных поляков (Марину Мнишек и ее окруженне), а Польша должна была отвести все польские войска с русской земли. Но Польша не спешила выполнить свои обязательства. Больше того, появился Лжедмитрий II. Поддержанный вооруженными силами польских магнатов, он подошел к Москве и, обосновавшись в Тушино (куда стеклись и освобожденные из плена поляки), начал осаду Москвы. Большая территория вокруг русской столицы была захвачена поляками. Когда в 1609 году В. И. Шуйский заключил Выборгский договор со Швецией, обеспокоенный Сигизмунд III начал осаду Смоленска, где находились русские войска. Это вызвало распад тушинского лагеря, так как польские войска двинулись к Смоленску на помощь войску Сигизмунда III, и Лжедмитрию II (тушинскому вору) пришлось бежать из Тушино.

Но и в среде русской знати не было единства. Так, в 1610 году посольство русских бояр заключило договор с Сигизмундом III, по которому его сын Владислав призывался на царство в Москву. А поход русских войск, ведших войну против поляков, закончился их разгромом под Клушино 24 июля 1610 года, что привело к низложению В. И. Шуйского. В Москве создано новое правительство, известное в истории как Семибоярщина, которое в августе 1610 года закрепило договор с Сигизмундом III о провозглашении королевича Владислава русским царем. Этим актом фактически санкционировался захват власти польскими феодалами, а подошедшим польским войскам в ночь на 21 сентября 1610 года были тайно открыты ворота Москвы. С октября 1610 года реальная власть сосредоточилась в руках военного руководства польского гарнизона в Москве под начальством гетмана Александра-Корвина Гонсевского (ум. 1645); в гарнизоне было около 5000 поляков и 2000 немцев-наемников. В группе бояр, пошедших служить Сигизмунду III, имена М. Салтыкова и Ф. Андронova как наиболее усердных, а также Хворостинина, Массальского, Вельяминова, Молчанова и др. И хотя Семибоярщина не имела реальной власти, номинально она существовала до освобождения Москвы Народным ополчением

(известное также как Второе народное ополчение), возглавленным Мининым и Пожарским.

Первое народное ополчение возникло в марте 1611 года, во главе его стояли П. П. Ляпунов, Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий, но после жестокого подавления Московского восстания, в организации которого принимал активное участие крупный военный деятель князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578—1642), и сожжения Москвы в июле 1611 года Первое ополчение распалось. Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (ум. 1625) видный политический и военный деятель, после распада Первого ополчения оставался под Москвой во главе так называемых подмосковных таборов донских казаков, которые своим присутствием фактически блокировали польский гарнизон Гонсевского вплоть до августа 1612 года. В это время казаки приняли участие в битве с войсками польского гетмана Яна Карла Ходкевича (ум. 1621) и слились с войсками Второго народного ополчения.

Это Ополчение возникло осенью 1611 года. Нижегородский земский староста Минин (Захарьев-Сухорук Кузьма Минич, ум. 1616) обратился к посадским людям с призывом собирать средства и создавать Народное ополчение. Из Нижнего Новгорода рассылались грамоты и гонцы в другие города России. Основные силы Ополчения сформировались в городах и уездах Поволжья, где к русским примкнули чуваша, татары, марийцы и другие народности Поволжья и Севера. Военным руководителем Ополчения стал Д. М. Пожарский. Программа Ополчения — освобождение Москвы от польских интервентов, создание нового правительства — снискала поддержку народа, посадских людей, части бояр и патриарха всея Руси Гермогена.

Гермоген (1530—17.02.1612) — русский церковно-политический деятель — личность примечательная. Патриархом он был провозглашен в 1606 году при В. И. Шуйском, так как был постоянным выразителем антипольских настроений. По низложению В. И. Шуйского Гермоген выступал против предложения бояр о присяге Сигизмунду III, а когда победила Семибоярщина, Гермогену удалось добиться включения в договор пунктов, по которым Владислав,

предполагавшийся царем Руси, должен был принять православие до прибытия в Москву, жениться только на русской и т. п. Во время оккупации Москвы поляками Гермоген стал рассылать грамоты с призывами к всенародному восстанию, за что был подвергнут аресту и сослан в Чудов монастырь, а когда возникло Второе народное ополчение, Гермоген отказался убедить его участников сохранить верность Владиславу, отказался осудить это движение, за что интервенты умурили его голодом.

В марте 1612 года войска Народного ополчения подошли к Ярославлю, где был создан временный «Совет всей земли», ставший правительственным органом. Тогда же происходило очищение Поволжья от польских войск. В это же время предводители казачества Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий вступили в переговоры с руководителями Ополчения. И в тот момент, когда на выручку польскому гарнизону Гонсевского приближалось подкрепление под командованием Ходкевича, Народное ополчение выступило из Ярославля. В конце июля-августа его войска подошли к Москве. В сражении 22—24 августа, когда подоспели казаки Трубецкого, были разгромлены войска Ходкевича, занят Китай-город, а 22—24 октября 1612 года польский гарнизон, засевший в Кремле, капитулировал.

Освобождение Москвы Народным ополчением послужило толчком к массовой борьбе против интервентов по всей стране и создало условия для восстановления государственной власти в России. В ноябре 1612 года руководители Ополчения разослали по городам грамоты о созыве Земского собора для выборов нового царя. Но это уже следующая страница истории...

А Минину и Пожарскому, национальным героям, в 1818 году воздвигнут памятник, созданный скульптором И. П. Мартосом, который до настоящего времени остается украшением Красной площади Москвы.

Многие персонажи либретто М. А. Булгакова — действительно существовавшие люди: Минин и Пожарский, Гермоген, Гонсевский, Ходкевич, Трубецкой, Шереметьев (Шереметев), Андронов, а страницы их биографий так или иначе нашли свое отражение в

опере. (Например, рассказ Пожарского о Московском восстании Первого ополчения или рассказ Ходкевича о его походах с герцогом Альба и др.). Реально существовал и келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын (в миру Аверкий Иванович, ум. 1625), который известен как автор повествования «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах, сочиненное келарем оного же Троицкого монастыря Авраамием Палицыным».

В тетради М. А. Булгакова, с первым черновиком будущего либретто, мы обнаруживаем многочисленные заготовки, биографические выписки об исторических лицах — будущих персонажах, хронологию событий и т. д. Здесь же менявшие по воле автора имена и биографии неисторические персонажи: Мария, Илья Пахомов, Биркин, Зборовский и др. (ГБЛ, ф. 526, к. 16, ед. хр. 1).

Закончив 6 июля 1936 года черновик, писатель создает первый вариант либретто, и на перепечатанном на машинке экземпляре, полученном Б. В. Асафьевым, стоит дата — 20 июля 1936 года.

Б. В. Асафьев с нетерпением ожидал либретто и, получив его 23 июля, тотчас же начал обдумывать, изучать, «прощупывать» текст в связи с его музыкальным действием, образами. Это нашло свое отражение на страницах данного варианта либретто, сохранившегося в архиве композитора (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп.1, ед. хр. 90, лл. 1-25). Здесь, на полях, торопливые эскизы музыкальных тем и многочисленные пометки, вставки, дописывания, зачеркивания по машинописному тексту, то есть те пожелания и предложения по изменению текста, которые он позже сформулирует и выскажет либреттисту в одном из писем. Писатель принял предложения Б. В. Асафьева и внес в окончательный вариант либретто все дописанное им, лишь некоторые тексты подвергнув стилевой правке.

Интересна и первая страница этого экземпляра либретто: против имени каждого действующего лица композитор сделал разметки голосов. Так, партии Минина предопределен бас, Пожарского — баритон, Ильи Пахомова — тенор, Марии — меццо-сопрано, патриарха Гермогена — баритон, Гонсевского — тенор, Ходкевича — бас, Зборовского — баритон и т. д.

Работал Б. А. Асафьев быстро. Клавир первого варианта оперы «Минин и Пожарский» (в четырех актах семи картинах) был написан с 8 по 17 октября 1936 года. А месяц спустя, 17 ноября, сообщая другу юности Н. Я. Мясковскому об окончании «Минина и Пожарского, он пишет: «Оперой я очень доволен и так ею дорожу, что жалко расставаться и пускать на рынок. Написав ее одним взмахом, как обычно, без рояля, я чувствовал необычную радость с точки зрения технической: все, что хочу, умею делать. Кроме того, сила эмоций и качество музыки (в смысле еще большего самовыявления) повысились в сравнении с «Партизанами». В общем, как музыкант, я ощущаю себя в росте» (ЦГАЛИ, ф. 2040, оп. 1, ед. хр. 98, л. 17 об.).

Как видим, и композитор, и либреттист выдержали договорные сроки. Но в Большом театре готовили к выпуску «Руслана и Людмилу», работали над «Поднятой целиной» и к работе над «Мининым и Пожарским» не приступали, что очень огорчало авторов.

Тем не менее работа не прекратилась. Представленная в театр опера получила одобрение, но руководство Большого театра и Комитет по делам искусств предложили авторам усилить патристическое звучание оперы и дополнить либретто еще двумя картинами. Так появились «Двор дома Минина в Нижнем Новгороде», «Площадь в Костроме, Двор воеводы». В новом варианте опера — в девяти картинах, которые Б. В. Асафьев разместил в четырех актах, а не в пяти, как предлагал М. А. Булгаков.

Работа над оперой шла полным ходом. В первой половине февраля 1937 года председатель Комитета по делам искусств П. М. Керженцев приезжал в Ленинград, встречался с Б. В. Асафьевым и имел с ним обстоятельную беседу об опере. Об этом мы узнаем из письма Б. В. Асафьева П. М. Керженцеву от 16 февраля 1937 года (ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, ед. хр. 331, л. 114), а отвечая ему 1 марта, как бы в продолжение разговора, Керженцев добавляет: «По «Минину» я хотел Вам еще сказать, что текста и музыки было пока маловато (чистой музыки, без антрактов только около часу с небольшим)», — и чуть дальше: «Хотим послушать «Минина» в середине марта, если успеете все дописать» (там же, л. 112).

М. А. Булгаков торопит композитора с окончанием музыки, 17 февраля, телеграфируя ему о начале постановки «Минина», просит немедленно ознакомиться с оперой художника В. В. Дмитриева, которого предполагалось привлечь к оформлению спектакля.

И Б. В. Асафьев спешит. Уже сдана переписчику музыка двух новых картин. Но что-то опять застопорилось. Прошли слухи о переносе постановки «Минина и Пожарского» с основной сцены Большого театра в филиал, что вызвало волнение композитора, так как он считал, что эта сцена не отвечает масштабному замыслу оперы; не возобновлялся разговор о новом ее прослушивании. Только в середине апреля, получив из переписки дополнительные картины оперы, композитор устанавливает, что длительность оперы, как о том просил П. М. Керженцев, увеличилась, и пора было писать увертюру. Но композитор не может приступить к увертюре, так как ему хочется представить себе сценический облик спектакля, «то есть убедиться в его реальности». А реальности не было. В мае 1937 года М. А. Булгаков сообщает своему соавтору, что в театре родилась идея о создании новой редакции текста «Ивана Сусанина», родственного по теме «Минину и Пожарскому».

22 сентября Б. В. Асафьев пишет П. М. Керженцеву полное гонечное письмо, где просит разъяснений, так как из Большого театра ему ничего не сообщают по поводу его оперы. В ответ он получает обстоятельное письмо (от 7 октября 1937 г.), подписанное П. М. Керженцевым и выражающее общую точку зрения руководителей Комитета по делам искусств и Большого театра: «Вопрос о постановке «Минина и Пожарского» оттянулся только по той причине, что мы получили разрешение поставить «Ивана Сусанина» в новой редакции. Мы, конечно, не могли этого дела откладывать. Поставить в одном году две оперы про одну и ту же историческую эпоху, конечно, нерационально. Опера «Минин и Пожарский» остается заданием, которое мы получили и которое обязаны выполнить. Я считаю, как Вы знаете, что Ваши попытки в этой области в общем удачны, но я считаю также, что пока либретто, даже после переделки, еще недостаточно. Нам нужна опера большого масштаба, героическая, и прежде всего должны быть более

широко показаны народные массы. Нужно вывести каких-то ее представителей, дав соответствующий музыкальный материал. Вот этот показ масс еще не достигнут, в основном по вине либретто. С одной стороны, образ Минина и образ Пожарского требуют также дополнительных характеристик. Сейчас оба образа все-таки близки. С другой стороны, надо учесть, что пока музыки примерно на полтора часа, то есть музыкальный материал может быть увеличен почти вдвое.

Я думаю, что дальнейшая работа над оперой должна исходить из указанных основных моментов. Кроме того, надо учесть, что сейчас будет идти не наша опера, а «Иван Сусанин». Поэтому некоторые моменты в редакции придется соответственно перестроить. Например, финал намечался, как въезд Пожарского и Минина в Кремль. Сейчас в таком роде переделали финал «Ивана Сусанина». Поэтому надо придумать что-то другое. Может быть, Москву и Кремль сделать и нарисовать на заднике, вдали и показать встречу Ополчения с московским народом где-то под стенами Кремля, Москвы-реки, Замоскворечья, у стен Кремля (но не на Красной площади). Одним словом, показать здесь не пышную сторону Москвы, а Москву народную, московские улицы, окраину. Но это, конечно, один из возможных вариантов.

Затем, важно обрисовать разные группы населения, участвовавшие в борьбе против интервентов (крестьянское ополчение, казачество и т. д.). Это в опере есть, но это надо более развернуть. Женский образ в опере показан довольно безжизненно. Надо дать ему какую-то более сильную характеристику, опять-таки героического плана. Надо более широко развернуть песенный материал.

Я недавно говорил по поводу Вашей оперы с т. Самосудом, и мы считаем, что работа над оперой со стороны либреттиста и Вашей должна обязательно продолжаться. Мы хотим включить ее в план первых постановок Большого театра на осень 1938 года.

Учитывая интерес к вопросам истории, мы уверены, что эта опера, если над ней еще поработать, будет крупным событием на нашем музыкальном фронте и будет иметь большой успех среди советских зрителей.

Но, конечно, как Вы сами понимаете, работы здесь требуется еще порядочно. Как ни хотите, а публика всегда будет сопоставлять «Ивана Сусанина» с этой оперой, поскольку трактуется та же эпоха. Разумеется, и для художника, и для режиссера тоже будет довольно трудно дать эту оперу так, чтобы она не напоминала нашу постановку «Ивана Сусанина». Я считаю поэтому, что мы не только привлечем другого художника («Ивана Сусанина» делает Федоровский), но также и другого режиссера» (ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 3, ед. хр. 331, лл. 94-95).

Это письмо вернуло Б. В. Асафьева к работе над оперой, что видно из его ответного письма: «С «Мининым» мне все понятно, — пишет он 9 октября 1937 года, не удержавшись, однако, от некоторого недоумения и упрека. — Но, простите, мне все-таки кажется, Вы не знаете еще 2-й редакции «Минина» с развитой народной сценой в Костроме и соответственно расширенными хорами» (там же, л. 97). 20 декабря П. М. Керженцев вновь подписывает большое программное письмо, адресованное Б. В. Асафьеву, копии которого вручены М. А. Булгакову и С. А. Самосуду: «Моя тема снова «Минин и Пожарский». На днях я еще раз имел возможность беседовать об этом с руководящими товарищами (по их инициативе). Меня спросили, как подвигается опера. Думаю, это даст Вам новый толчок, чтобы работать над «Мининым и Пожарским».

На днях я имел длительную беседу с Булгаковым, указав ему, что именно либретто требует дополнения и развертывания.

Основное — это более широко и полно дать образ Минина, как героического народного вождя, дорисовать образ Пожарского, как доблестного честного воина, дать более развернутые и осложненные характеристики другим действующим лицам, более развернуто дать массу. Создать некоторые, не то что конфликты, но какое-то осложнение и разногласие в позициях Пожарского и Минина в Костроме. Например, что Пожарский несколько осторожен, требует выжидания в Костроме, чтобы подтянуть силы, а Минин более политически прозорлив, требует быстрейшего наступления на

Москву, учитывая, что силы Ополчения пополнятся в процессе похода на Москву, и сознавая важность быстрого военного удара.

Я считаю необходимым, чтобы был написан полноценный политический монолог-ария для Минина, что-то вроде «О, дайте, дайте мне свободу» из «Князя Игоря». Это должна быть ария Минина соло, скажем, ранним утром на берегу Волги, где он поет о Волге, о народе угнетенном, о стране, опустошенной иноземцами.

Эта ария должна показать его как человека широкого политического кругозора, который болеет не за свою губернию, а за всю страну. Волга — это олицетворение большей части Руси. Это должна быть центральная героическая ария.

Я указал Булгакову, что в пьесе «Козьма Минин» Островского есть подобный монолог, где много хорошего, что можно позаимствовать. Вот над этой арией я прошу Вас особенно поработать. Это должно быть кульминацией. Думаю, что можно вставить ее в самом начале Новгородских сцен до веча.

Сцену веча тоже надо осложнить какими-то противодействиями, оппозицией боярской верхушки и каких-то их приспешников, сделать более драматической, иначе получается, что с первых слов Минина все с ним согласны, что не соответствует исторической правде.

Хорошо бы в оперу ввести еще две-три народные песни. Одну, например, против бояр, попов и гнета, под которым живет народ на Руси. Другую — какую-нибудь издевательскую против поляков, чтобы она имела острое политическое звучание для нашего времени. Она должна прохватить панов, их пустозвонство, сказать, что их вышибли из Руси и никогда их пос сюда не сунется. Третью — какую-то массовую волжскую, что ли, широкого размаха, показывающую мощь, удадь, талантливость русского народа. На массовые песни тоже прошу обратить особенное внимание.

Я еще раз перечитал либретто Булгакова и считаю, что в основном оно очень не плохое, но еще схематично и требует значительной доработки. Ведь размер оперы пока что получился маленький. Конечно, надо еще проверить хронометраж, но все-таки

усиление сцен в Нижнем, Костроме и у Москвы будет весьма важно.

Равным образом, требуется как-то иначе разрешить финал, чтобы он не был похож на финал «Ивана Сусанина». Я говорил т. Булгакову, что, может быть, нам сделать финальную сцену не у стен Кремля, а в Замоскворечье или на Москворецком мосту, где бы показать народ, массы, московских жителей, ремесленников, крестьян с соседних деревень и ополчение. Кремль будет нарисован где-то на заднике, а вся сцена непосредственно в народной массе, без той сугубо оперной пышности, которая имеется в финале «Ивана Сусанина». Может быть, здесь дать песню издевательства народа над поляками, посрамление поляков.

Я сообщил руководящим товарищам, что работа над «Мининым и Пожарским» у нас несколько отложилась из-за восстановления новой редакции «Ивана Сусанина», но что мы предполагаем иметь эту постановку в Большом театре в конце 1938 года.

Может быть, с нее мы начнем новый сезон 1938 года. Я уверен, что Булгаков доработает либретто хорошо» (там же, лл. 110-111).

Б. В. Асафьев принял почти все предложения, изложенные в процитированном письме. Он подробно пишет П. М. Керженцеву 22 декабря 1937 года: «...«Минин» для меня — опять экзамен на «аттестат зрелости» и политической и технолого-профессиональной. Словом, поторопите Булгакова. К арии Минина, ситуация и содержание которой мне вполне понятны, я, полагаю, готов: в свое время я уже думал о такого рода монологе для Минина и кое-что сочинил, к тому же вокально-сочное. [...] Песни, о которых Вы пишете, сделать должен, и это нетрудно. Труден финал: Сцена на Москворецком мосту меня очень привлекает, но как бы тут только не завязнуть в бытовых характеристиках и вкусных жанровых мелочах и дать суриковские размах и связность: ведь это же финал! И здесь я более чем где-либо завишу от текста. Что касается образа Пожарского, мне кажется, что в финале сцены в Костроме мне уже удалось вырисовать его облик, характер, повадку — словом, всю суть его через пластично-выразительный вокал. [...] Непре-

менно буду Вас информировать о всех своих соображениях и занятиях по «Минину». [...] Теперь меня удручает только указанный Вами долгий срок до постановки «Минина»: конец 1938 года?! Сейчас еще только конец 1937 года. [...] В мои годы надо спешить. Вдруг наплыв музыкальных идей остановится! Поэтому позволю себе надеяться и думать о премьере «Минина» осенью 1938 года, как начало сезона. Итак, с нетерпением жду текста всей новой редакции» (там же, лл. 66-67).

Те же пожелания что и Б. В. Асафьеву, были высказаны и писателю П. М. Керженцевым в личной беседе, состоявшейся 14 декабря 1937 года.

Музыку Б. В. Асафьев пишет сразу же по получении от М. А. Булгакова текстов дополнений. Так, монолог Минина написан 14 февраля, а последние дополнения к 6-й картине — в конце апреля 1938 года.

Как видим, и автор либретто, и композитор в добром согласии и очень быстро внесли в оперу все те дополнения, что были рекомендованы Комитетом по делам искусств. И только перенесение места действия с Красной площади в Замоскворечье в финальной сцене осталось нереализованным. Ни в либретто, ни в клавире нет следов того, что это предложение было принято авторами.

Работа над оперой почти закончена, клавир готов; оставалось оркестровать оперу и написать увертюру, что композитор предполагал сделать сразу же после окончательного приема музыки.

Летом 1938 года Б. В. Асафьев приезжал в Москву, но прослушивания не состоялось, вопрос о постановке оперы опять повис в воздухе, вновь повергнув композитора в уныние.

В эти дни он получает полное участия письмо от Н. Я. Мяковского, который, познакомившись с клавиром, дает высокую оценку музыке. «Минин» — отличная штука! — пишет он 12 мая 1938 года и далее продолжает, — ...музыка настолько сильнее [чем либретто. — М. К.], выразительна и «музыкально» цельна, что опера в целом должна быть очень впечатляющей. Спор со мной будет только из-за небольших деталей, где есть отзвуки Корсакова. Я

очень рад был ее узнать. Надеюсь, что в расширенном виде фигура Пожарского будет выпуклее; Минин — сам много не потребует» (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 642, л. 39).

Из этого письма видно, что от авторов вновь требовали каких-то дополнений, расширений. А в Большом театре окончательно утверждено решение о подготовке «Ивана Сусанина» с новым текстом и новым финалом. Перспектива постановки «Минина и Пожарского» становилась все менее и менее реальной, и у композитора не было стимула заканчивать оперу: она оставалась не оркестрованной и без увертюры.

Но тем не менее, хотя опера и не получила сценического воплощения, музыка ее, не вся, правда, прозвучала по радио. Был сделан монтаж русских сцен, автор оркестровал их, написал и оркестровал увертюру, и в конце 1938 года состоялась радиопреьера. Дирижировал оперой А. Н. Дмитриев, который вспоминает: «Исполнение было закрытое, то есть в Радиостудии, без публики, но транслировалось оно очень широко. Польских сцен не было. Отлично (с превеликим удовольствием) пел партию Минина артист Иван Яшугин, человек с огромной музыкальностью и глубокой фразой. Князя Пожарского — С. Рахманин, дивный баритон, с гордой весомой речью... Марию — дочь Минина — О. Н. Головина, умная певица, с глубоким задушевым тембром... Мокеева — Н. Н. Бутягин, отличный звонкий бас... Молодого юношу, поляка, должен был петь Нэллел, но он заболел и пел Довенман, очень музыкальный человек... Воеводу исполнял А. М. Кабанов, один из лучших лирико-характерных теноров. Пел всегда с широкой душой и одновременно остро. Вот почему у него отлично вышел воевода, идейный противник Минина... Хор Радиокомитета выучил оперу очень быстро и очень охотно. Пели чисто, мелодически осмысленно, а главное, предельно выразительно. Особенно хорошо и с душой хор пел песню Народного ополчения: «То не тучею солнце затмевается, то знамена над войском развеваются...» Исполнение оперы «Минин и Пожарский» было всегда праздником в Ленинградском радиокомитете. Опера исполнялась несколько раз». И завершая свой рассказ, А. Н. Дмитриев пишет автору этой

статьи в письме от 2 июля 1978 года: «Музыка Асафьева всегда производит сильное впечатление, когда она реально звучит. И тогда никакие сомнения по поводу ее качества не возникают».

Песня хора Народного ополчения прозвучала и в годы Великой Отечественной войны. Об этом также сообщает А. Н. Дмитриев в упомянутом выше письме: «Эту песню я исполнял на фронте в Ансамбле 54-й армии Волховского фронта. Пели с великим удовольствием. Асафьев нам специально прислал ноты для ансамблевого исполнения». А в архиве композитора сохранился автограф этого переложения для мужского хора без сопровождения, датированный июлем 1942 года (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 173). Здесь же, в архиве, находится авторский клавир (автограф) всей оперы; рукописный (рукой переписчика) клавир; автограф партитуры увертюры, второй, третьей и шестой картин оперы, причем следует оговорить, что в партитуре не везде вписан текст. (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 87, 88, 89).

Что касается либретто оперы, то в ЦГАЛИ хранятся экземпляры первой и второй редакции в фонде Большого театра (ф. 648, оп. 4, ед. хр. 291), в фонде Комитета по делам искусств (ф. 962, оп. 1, ед. хр. 63) и в фонде Главреперткома (ф. 656, оп. 5, ед. хр. 9660). В Отделе рукописей ГБЛ в фонде М. А. Булгакова хранится черновой автограф либретто, несколько редакций, вариантов, дополнений и позднейшая перепечатка текста, сделанная вдовой писателя Е. С. Булгаковой (ГБЛ, ф. 562, к. 16, ед. хр. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и к. 58, ед. хр. 2). Но главными, рабочими экземплярами либретто, по которым создавалась опера, являются первая и вторая редакции, находящиеся в фонде Б. В. Асафьева в ЦГАЛИ.

Третья редакция либретто, текст которой использован Б. В. Асафьевым в завершенных картинах оперы, существует, можно сказать, условно, так как нет единого сведенного автором текста.

При подготовке публикации окончательного варианта либретто «Минин и Пожарский», то есть третьей редакции, взят авторский машинописный экземпляр второй редакции либретто из архива Б. В. Асафьева (ЦГАЛИ, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 90, лл. 29—62), ко-

торый соединен с присланными ему М. А. Булгаковым дополнениями и изменениями некоторых текстов этой редакции (там же, ед. хр. 503, лл. 3—3 об., 6, 7—7 об., 10—10 об.). В препроводительных строках М. А. Булгаков точно определяет те места либретто, куда ложатся вставки и новые тексты, а изучение нотных автографов подтверждает, что все изменения были приняты композитором и положены на музыку. Несколько фраз (во второй и шестой картинах) вписаны Б. В. Асафьевым на полях либретто и использованы им в опере. Эти асафьевские фразы в настоящей публикации включены в булгаковский текст либретто, но заключены в угловые скобки и оговорены в подстрочных примечаниях. И хотя у нас нет подтверждений того, что они были согласованы с М. А. Булгаковым, но то, как охотно были приняты все асафьевские дополнения и поправки к первому варианту либретто, позволяет предположить, что они не встретили возражений писателя. Что касается расширения народного хора в третьей картине, то он, по-видимому, был дописан позднее. Ни в самом либретто, ни в черновиках к нему этого текста нет; принадлежит он, по-видимому, Б. В. Асафьеву, существует только в партитуре, и совершенно очевидно, что имеет значительно более позднее происхождение, так как, если вся партитура написана зелеными чернилами, то дополнительные строчки (музыки и текста) вписаны карандашом. Поэтому эти дополнения, выписанные из партитуры, не включены в публикуемый текст либретто, а вынесены под строку.

В основном весь булгаковский текст чист от редакторского вмешательства. Произведено лишь согласование в авторских ремарках в тех местах, где новые дополнительные тексты требовали этого. Только подзаголовок «Либретто оперы в четырех актах 9 картинах» и обозначение актов в тексте либретто приведены в соответствие с оперной партитурой. И список действующих лиц дополнен упомянутыми в либретто персонажами: Донской казак, Первый ратный, Второй ратный.

Датой создания либретто оперы «Минин и Пожарский» следует считать 1936—1938 годы.

М. Козлова

М. А. Булгаков

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

**(либретто оперы в четырех актах
девяти картинах)**

Действующие лица

ИЛЬЯ ПАХОМОВ, сын посадский.

ГЕРМОГЕН, патриарх.

ГОНСЕВСКИЙ, начальник польского войска в Москве.

ФЕДЬКА АНДРОНОВ, боярин.

МИНИН, один из старост в Нижнем Новгороде.

МАРИЯ, приемная дочь Минина.

ПОЖАРСКИЙ, начальник ополчения.

МОКЕЕВ, гонец.

ХОДКЕВИЧ, гетман литовский.

ЗБОРОВСКИЙ, польский ротмистр.

БИРКИН, стряпчий.

ШЕРЕМЕТЬЕВ, воевода.

ПЕТРУСЬ, казак-запорожец.

ТРУБЕЦКОЙ, начальник казацкого войска.

ОДАРКА, казачка.

АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН, монах.

Донской казак.

Первый ратный.

Второй ратный.

Русский народ, старосты нижегородские и воеводы, казаки, литовцы, поляки, немцы-драбанты, татары, мордва.

Действие происходит в 1611—1612 годах.

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

Ночь. Темница в Кремле. Лампада. В окошке за решеткою луна. ГЕРМОГЕН прикован к стене. Слышится дальний католический хор, поющий по-латыни. Бьют далеко башенные часы.

ГЕРМОГЕН. Полночь... Но сон от глаз уходит. Я не ропщу и жду, когда придет сон вечный, и радуюсь, что он настанет вскоре, что не услышу я, как чужеземцы поют заутреню в Кремле. Я не увижу, как погибнет вовсе наш предел российский и настанет царствующему граду конечная теснота. Сон бесконечный, приди, приди и погаси и слух и зренья усталого раба!

Шорох. Плита в полу поднимается и выходит ИЛЬЯ ПАХОМОВ.

ПАХОМОВ. Владыко, тише!

ГЕРМОГЕН. Кто ты?

ПАХОМОВ. Нижегородец, сын посадский, Илья Пахомов. Я знаю ход в Кремле подземный, полякам неизвестен он.

ГЕРМОГЕН. Зачем проник сюда, безумный?

ПАХОМОВ. Пришла к нам смертная гибель! Отстался наш народ с одной душой и телом, терпеть не в силах больше он. В селеньях люди умирают, отчизна кровью залита. Нам тяжко вражеское иго. Отец, взгляни, мы погибаем! Меня к тебе за грамотой прислали, а ты в цепях, в цепях, несчастный! Горе нам!

ГЕРМОГЕН. Мне цепи не дают писать, но мыслить не мешают. Мой сын, пока ты жив, пока еще на воле, спеши в Троице-Сергиевский монастырь. Скажи, что Гермоген смиренный велел писать народу так: идет последняя беда!

ПАХОМОВ. Идет последняя беда!

ГЕРМОГЕН. Царь польский Жигимонт отчизну нашу отдал на поток и пламя и посадил к нам сына Владислава. И если не поднимется народ, погибнем под ярмом, погибнем!

ПАХОМОВ. Исполню все!

ГЕРМОГЕН. Спешి отсюда, на страже немцы. Берегись!

ПАХОМОВ. Прощай, прощай, прощай! (*Скрывается.*)

ГЕРМОГЕН. Не оскудела храбрыми земля и век не оскудеет.

(*Глухой выстрел.*)

Боже!

Загремели засовы. Вбегает НЕМЕЦ-ДРАБАНТ. Плита поднимается. Из-под нее выскакивают двое ДРАБАНТОВ, втаскивают ПАХОМОВА со связанными руками.

ДРАБАНТ. Готт фердам мих!

Входит ГОНСЕВСКИЙ.

ГОНСЕВСКИЙ. А, поймали птицу!

Вбегает ФЕДЬКА АНДРОНОВ.

Вот погляди, боярин, как патриарх изменников приваживает по ночам.

АНДРОНОВ. Расстрига он, не патриарх! Изменник королю, заводчик смуты!

ГЕРМОГЕН. Презренный червь.

АНДРОНОВ. (*Выхватывает нож.*) Ах ты!

ГОНСЕВСКИЙ Нет, погоди, боярин, ты горяч. (*Пахомову.*) Кто ты таков, холоп?

ПАХОМОВ. Ты так меня не называй, я вольный человек. А вот другой перед тобою, наш боярин, Андронов Федька, он холоп!

АНДРОНОВ. Пытать его!

ГОНСЕВСКИЙ. Нет, погоди. (*Драбантам.*) Обыщите, нет ли посланья на груди.

ПАХОМОВА обыскивают.

Зачем проник в темницу?

ПАХОМОВ. Хотел я поглядеть, как старика вы держите в цепях.

ГОНСЕВСКИЙ. Ну, добро! Я вижу, что ты боек, хлопец! Мне надоело их пытаться и вешать. Эй, приковать его!

ПАХОМОВА приковывают.

Сиди же здесь во тьме, гляди на старика до самой смерти. Удвоить караул! Пойдем, боярин. Прощай, чернец безумный!

Уходит с АНДРОНОВЫМ и ДРАБАНТАМИ.

ГЕРМОГЕН. Молись, молись, мой храбрый сын! Ты молод, сердце жалость точит.

ПАХОМОВ. Нет, не могу молиться. О чем просить мне бога? Лишь о скорой смерти!

ГЕРМОГЕН. Безумец!

ПАХОМОВ. Луна, луна, за что меня сгубила? Уж я достиг стены, но выдал лунный луч, меня заметили, схватили... Ах, неудачлив я, туда мне и дорога! Но мне невесту жаль. Гонцы найдутся без меня, дадут сй знать, как я, несчастный, пропал из-за луны. Она узнает и заплачет, а я ни плакать, ни молиться не могу! Мне подвиг совершить не удалось!.. Тоска меня терзает!

ГЕРМОГЕН. Будь прокляты мучители навеки! Тебе венец, мой сын, венец!

ПАХОМОВ. Тоска, тоска меня терзает... Тоска!

Т е м н о.

АКТ ПЕРВЫЙ
Картина вторая

Осенний рассвет. Двор дома Минаина в Нижнем Новгороде на обрыве над Волгой.

МИНИН. (*Один*). Рассвет! Я третью ночь не сплю, встречая рассвет осенний и печальный, и тщетно жду гонцов с вестями из Москвы. Их нет, и ночи тишину не нарушает топот их коней.

Рассвет и тишина! Ужели богом забыт наш край? Не слышно бурлаков с их слезной песней, не видно лодок на реке. И нету дыма в селеньях дальних, умерщвленных великим гневом божьим, гладом, мором и зябелюю на всякий плод земной! Молчит родная Волга, но здесь в тиши я слышу стоны нищих, я слышу плач загубленных сирот, великий слышу плач народный, и распаляется огнем душа, и дальний глас зовет меня на подвиг! О, всевеликий боже, дай мне силы, вооружи губительным мечом, вложи в уста мне огненное слово, чтоб потрясти сердца людей и повести на подвиг освобождения земли!

Дай орлий лет и сердце твердо и укажи мне правый путь! Возьми, возьми меня избранником своим! Я подыму с земли сей храбрых, с собою в бой их поведу и изгоню врагов с земли!

Но если нам придется пасть, не выбив всеядный меч из рук чужих, дай пасть в бою!

Падем, падем, и ветер прах развеет, и кости выбелит бойцов, и ржавые доспехи затянет всемогущая земля. И там, где бой кипел, взойдет зеленая трава. И в землю мы уйдем, как вышли из земли.

Да, мы уйдем, земля затянет прах, но над курганом боевым взлетит и наша память. Помянут в песнях нас

над водною широкой гладью и на песчаных волжских берегах, и над полями и лесами великого родного царства песнь не умолкнет никогда!

Нет, прочь печальные мысли, прочь, малодушие! Меня мой вещей голос не обманет, родное царство с боем встанет, и мне достанется и честь и слава быть избранником его! Мы победим, мы победим!

Что это? Топот? Нет, нет... Повсюду тишина. Пойду и я в тиши хотя б в часы рассвета сомкнуть глаза. *(Уходит.)*

Слышится конский топот. Появляется МОКЕЕВ, стучит. Выходит МАРИЯ.

МАРИЯ. Кто тут? Мокеев, ты?..

МОКЕЕВ. Буди отца! Буди, скажи, что вести есть!

МАРИЯ. А где ж Илья? Мокеев, не томи, скажи, зачем один вернулся ты? Ильюша где же? Ты молчишь? Ох, сердце чуяло беду! Ох, не молчи, зачем меня ты мучишь?

МОКЕЕВ. Горькая участь, девка, твоя! Попался полякам в лапы Илья!

МАРИЯ. Ах!.. Чуяло сердце злую беду! Чуяло сердце!.. Бедный мой сокол, Ильюша!.. Зачем ты, несчастный, невесту покинул? Покинул, взвился в поднебесье и сгинул! И не услышишь ты плач и стенанье мое!

МИНИН. *(Входит.)* Кто тут? Чего ты рекой разливаешься? Ты, что ль, Мокеев? Один? Ну, говори!

МАРИЯ. Батюшка милый! Не видать нам Ильюши, не видать никогда!

МИНИН. Жалко тебя мне, жалко, Мария. Только слезами его не вернешь. Ты не одна! По многим из храбрых плачут у нас. *(Мокееву.)* Говори, как было дело?

МОКЕЕВ. До Москвы добрались мы с Ильею вдвоем. Владыко в темнице, все плачут по нем. Тою же

ночью мы были в Кремле, есть там подкопы глубоко в земле. Ильюшка пополз и скрылся в норе, я ж на часах стал во дворе. Вдруг слышу выстрел в подкопе и крик... Ильюша выбежал в этот же миг! Хотели мы скрыться, бежать под стеной, только весь двор заливают луной. Грянул по близости тут самопал. Вижу, Илья не бежит, захромал! «Беги! — он кричит, — а меня не спаси!... к Троице некому весть отнести... Зачем пропадать нам без пользы вдвоем?... А Марии скажи, что Илья бьет челом!»

МАРИЯ. Не пришлось мне дожидаться с любимым венца!

МИНИН. Народ не забудет подвиг гонца!

МОКЕЕВ. Слышал я утром, народ толковал, Гонсевский Ильюшу на цепь приковал! <Слышал еще о боярах молву: спорят о власти и делят, предатели, нашу страну, шведов и Польшу зовут на Москву.>¹ Тут я, немедля, вскочил на коня, был я у Троицы через три дня. Минин! Сбирай поскорее народ! Всех нас на подвиг Сергей зовет! Исполнил с Ильей я честно наказ. Вот тебе грамота! Вот и весь сказ!

МИНИН. Дай грамоту сюда, она дороже злата! Голец, ты послужи еще! Я дам тебе коня и ты без отдыха скачи сейчас, скачи сейчас к Пожарскому в деревню и привези его сюда к полудню завтра... Скажи, что ждем его на дело государства!

МОКЕЕВ. Он изувеченный лежит! Как подыму его я?

МАРИЯ. Нет, он приедет! Умоли его!

МИНИН. Шепни, чтобы не мешкал! Скажи, что грамота пришла, пришел наш час! Скажи, зову его на подвиг — царство спасти!

¹ Заключенный в скобки текст принадлежит Б. В. Асафьеву.

МОКЕЕВ Ну, так и быть! Дай хлеба и вели седлать мне. Но уговор — коня зарежу, не буду я в ответе!

МИНИН. Зарежь, я слова не скажу! Эй, кто тут есть? Седлать гонцу коня!

МОКЕЕВ. К полудню завтра с князем буду у вас!

МИНИН. } В добрый час!
МАРИЯ. }

Темно

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина третья

Осенний день. Лобное место и собор в Нижнем. Оружейная палата. Набат. Встревоженный народ бежит со всех сторон к Лобному месту. У Лобного места — группа воевод, старост и стряпчих нижегородских. У собора — слепцы и нищие.

СЛЕПЦЫ. Многи русские бояре нечестивцу отдались, нечестивцу отдались и от веры отреклись.

ВОЕВОДЫ. Вот кашу-то заварил! Как-то расхлебашь?

НАРОД. Зачем народ сзывают?

СЛЕПЦЫ. Видение, видение было. Распалися тучи грозные, и из-за туч вдруг воспылал ослепительный луч. В блеске явился нам праведный муж...

БИРКИН. Замолчите, убогие, не было вам никакого видения, не было!

ВОЕВОДЫ. Не было вам никакого видения!

СЛЕПЦЫ. Было видение! Сергей явился — спящих будить!

НАРОД. Было видение!

БИРКИН. Не было! Головы, старосты, дети боярские, остерегитесь! Проклятый говядарь, Козьма Сухо-

рукий смущает народ. Знаем, что он умыслил. Чаять нам от него большая смуты, большея гибели! Вот он, окаянный!

МИНИН. (*Появляется на Лобном месте.*) Здравствуйте, граждане нижегородские!

НАРОД. Здравствуйте, наш староста! Здравствуйте, Кузьма Захарыч!

МИНИН. Вчера на заре прискакал к нам гонец. Он грамоту привез из Сергиева монастыря. И будто острый нож вонзили мне, когда ее я прочитал.

ЖЕНЩИНЫ В НАРОДЕ. О, господи, спаси нас!

МИНИН. Пришел родной земле конец, последняя и горькая погибель. Топочут польские кони царство от края до края. Люди, как звери, падаль едят, и дети наши умирают.

ЖЕНЩИНЫ В НАРОДЕ. О, горе нам, горе!

НАРОД. Кто нам защита? Кто нам прибежище?

МИНИН. Никто не защитит нас! И скоро, скоро всех нас с детьми и женами задавят под ярмом!

НАРОД. Проклятые! Проклятые!

МИНИН. Избыть беду самим измыслить надо. Испил я чашу поругания и больше пить ее не в силах. Зову с собою храбрых идти освобождать Москву! Побьют нас — ляжем, но не дома, а честной смертью в поле брани. Ведь все равно нам помирать!

НАРОД. Зачем помирать? Литву иль ляхов мы прогнать сумеем. Вот если б воевод раздоры, судей неправедных поборы, да прихоть боярскую испепелить!

ЖЕНЩИНЫ В НАРОДЕ. Хотим с тобой страдать! Хотим с тобой на подвиг!

МУЖЧИНЫ В НАРОДЕ. Возьми с собой и нас и будь нам старшим человеком!

ЖЕНЩИНЫ В НАРОДЕ. Возьми с собой и нас: мужей и братьев раны исцелять!

МАРИЯ. (*На Лобном месте.*) Отец, возьми меня с

собой! Гонец мне злую весть привез, что мой жених, Илья Пахомов, в Кремле поляками взят в плен. Теперь в темнице он подземной на цепь прикован. И солнца свет померк, и отчий дом мне опостылел, и клятву я дала, что я найду его живым иль мертвым! Отец, и я уйду с тобой! Отец, и я уйду с тобой! И солнца свет померк, и отчий дом мне опостылел, и клятву я дала, что я найду его живым иль мертвым!

ВОЕВОДЫ. Кто поведет голодных рать? В военном деле кто искусен? В измене кто не объявлялся? Креста врагу не целовал?

ПОЖАРСКИЙ. *(Выходит на Лобное место. Он в темном одеянии, опирается на посох. На лице у него, уродуя его, большой шрам. Рука на перевязи.)* Простите. Простите, люди нижегородские, что я, искалеченный, предстаю перед вами. Не осудите.

Народ, пораженный видом ПОЖАРСКОГО, молчит.

МАРИЯ. Здравствуй, князь Дмитрий Михайлович!

НАРОД. *(Тихо)*. Здравствуй, князь Пожарский!

ПОЖАРСКИЙ. *(Минину.)* Зачем меня ты потревожил? Зачем призвал к народу?

МИНИН. Скажи народу, князь, где ранили тебя.

ПОЖАРСКИЙ. С поляками дрались мы в Москве, хотели Кремль у них отнять. Поляки с немцами великой тучей нагрянули на нас, зажгли Москву. В дыму пожарищ, под звон набата, с жолнерами сцепились мы щит ко щиту. Не дать гореть Москве, не дать! Но кровию своей пожара мы не потушили. Нас было мало. Я помню рев огня, я помню трубный вой... Потом я память потерял, меня из боя унесли. Что было дальше, я не знаю и не хочу я знать. Зачем меня тревожил?

МИНИН. Поведи нас!

МАРИЯ. Поведи народ!

НАРОД. Пойдем с тобой на смерть!

ВОЕВОДЫ. Где денег взять на жалованье ратным?

МИНИН. *(Высыпает из мешка деньги.)* Здесь все, что нажил в жизни. Отдайте деньги людям ратным! Кто пожалеет их, тот потеряет все, тот потеряет жизнь! А коль не сыщем денег, жен и детей заложим в кабалу, чтоб ратным скудости не знать!

НАРОД. Отдайте деньги людям ратным! Кто пожалеет их, тот потеряет все, тот потеряет жизнь!

МАРИЯ. Отдайте деньги людям ратным! Кто пожалеет их, тот потеряет все, тот потеряет жизнь!

НАРОД. Дадим им третью деньгу! *(Бросают кошели на Лобное место.)*

МАРИЯ. Возьмите жемчуг мой и крест!

На Лобное место полетели градом деньги. ПОЖАРСКИЙ снимает с себя крест.

ПОЖАРСКИЙ. Так быть по-вашему! Так быть по-вашему! Откройте, воеводы, народу Оружейную палату.

БИРКИН. Ишь, что умыслили! Открыть кабацкой голи Оружейную палату! Не пушать их к дверям! Сидите в Нижнем, покуда целы!

ЖЕНЫ ВОЕВОД И ВОЕВОДЫ. Побьют нас люди польские, возьмут в полон! Сидите в Нижнем!

МИНИН. Ой, Биркин, не искушай меня, поберегись! Змея ты подколодная, народу враг! Смотри, я обличу тебя пред православными! Кто тушинскому вору крест целовал? Кто Сигизмунду клялся? А кто народ до нитки грабил? Кто в кабале его томил? Ой, Биркин, берегись!

В НАРОДЕ. Правду молвил староста, не доброхот он нам, злодей он, кровопийца! Да что нам на него глядеть? Берите, братцы, Биркина!

(Смятение.)

БИРКИН. Да что вы, православные? Какой я вам не

доброхот? Побойтесь бога! (*Еле выдравшись, убегает*).
НАРОД. Давайте копья нам!

НАРОД бросается к Оружейной палате.

ВОЕВОДЫ. За ключами пошлем, ключей нетути.

ПОЖАРСКИЙ. Ключи нам не нужны, откроем и без них! Народ! Бери оружие в палате!

МУЖЧИНЫ В НАРОДЕ. На слом ребятушки! Пора! На слом!¹

ВОЕВОДЫ шарахнулись. НАРОД бросился к палате, бревнами, как таранами, взломал двери. Над толпой засверкали копья.

МИНИН. Князь! Грамоты напишем, пошлем гонцов по всей земле, чтоб города другие стали бы в едином ходе с нами! Освободим отечество или погибнем!

МАРИЯ. Найду его живым и цепи разобью!

НАРОД. Полякам смерть!

ПОЖАРСКИЙ. Чтобы никто в бою не дрогнул!

СЛЕПЦЫ. Тучи распались, и из-за туч вдруг воспылал ослепительный луч...

ПОЖАРСКИЙ. Никто чтоб смерти не боялся!

¹ После этих строк в партитуре оперы идет принадлежащий, по-видимому, Б. В. Асафьеву (о чем см. во вступительной статье) следующий текст:

ЖЕНСКИЙ ХОР. *Эх, где ты, сила-силушка, ты сила-рать народная?*

МУЖСКОЙ ХОР. *Эх, как тебя-то, силушку, враги хотят в полон забрать.*

НАРОД. *Эх, да не бывать тому, чтобы народ-силач, да не прогнал с земли стаи воронов. Чтоб злые вороги, придя за наш рубеж, здесь не сложили бы свои головы. Эх, рать народная, могучая, сомкни несокрушимый строй. И за свободу своей родины, зови врага на смертный бой!*

СЛЕПЦЫ. В блеске является праведный муж...

ПОЖАРСКИЙ. А будет так, тогда врагу настанет последний...

СЛЕПЦЫ. Грозен и светел!..

ВСЕ. Судный час!

Конец первого акта.

АКТ ВТОРОЙ

Картина четвертая

Летняя ночь. Стан гетмана литовского ХОДКЕВИЧА. Шатер ХОДКЕВИЧА с его знаменем палит светом. Шатер охраняют немцы, копьеносцы и алебардчики. Пылают костры. Бочки с вином. Литовцы, поляки и немцы пируют. Гремит музыка, цимбалы, бубны, трубы. Танцоры пляшут мазурку, летят через костры, стреляют из пистолетов в воздух.

ЛИТОВЦЫ. Привел к нам на помощь славный За-
мойский непобедимое польское войско!

ПОЛЯКИ. Любим, как братьев, литовских вояк,
Польшу прославивших в грозных боях!

ЛИТОВЦЫ. } Смело пойдем мы на штурм вражьих
ПОЛЯКИ. } башен, с немцами нам даже дьявол
 } не страшен!

ЛИТОВЦЫ. } Рыцари наши лавром повиты!
ПОЛЯКИ. } Да живет вечно Речь Посполита!
НЕМЦЫ. }

ХОДКЕВИЧ выходит из шатра.

ВСЕ. Слава великому гетману!

ХОДКЕВИЧ. Нет, кубок первый во славу господаря!

ВСЕ. Слава Сигизмунду! Слава Сигизмунду!

ХОДКЕВИЧ. Второй — во здравие Владислава, всей Московии царя!

ВСЕ. Виват! Виват! Виват!

ХОДКЕВИЧ. Налейте пред боем последние кубки. И крикнем — виват! — чтобы дрогнула твердь! Пылкий выпьет за алые губки, мечтатель — за славу, а мудрый — за смерть!

ВСЕ. Смерть врагам! Смерть врагам!

ХОДКЕВИЧ. Бледнеют звезды, близок рассвет. Седлайте, панове, времени нет! Седлайте, поскачем смело вперед!

ВСЕ. Великий король объявил нам поход!

Загремели трубы. Все покидают сцену.

ХОДКЕВИЧ. Со мной хоругвь гусарскую оставить. Зборовского ко мне!

ЗБОРОВСКИЙ. (*Входит.*) Имею честь, ясновельможный гетман!

ХОДКЕВИЧ. Садитесь, ротмистр. Мне не спится. Старость проклятая! Пейте вино. Признайтесь по чести, ведь скучный поход?

ЗБОРОВСКИЙ. Признаюсь, мне скучно в лапотном царстве. На некормленных меринах по голодным равнинам гарцуют жолнеры то назад, то вперед... Скучный поход!

ХОДКЕВИЧ. Скучный поход! В юности я воевал на Западе, в войске испанском с герцогом Альба, вечная память ему! За веру и славу мы бились в странах прекрасных, каких ты не видел во сне! Города перед нами в луне засыпали, а просыпались в огне! Вечная память! На врага копыеносцы неслись ураганом, враги уже знали наш клич боевой! И кровь я стирал с своего ятагана!.. Юности слава, а старым — покой!

ЗБОРОВСКИЙ. Я вам завидую, гетман великий! Что может быть краше, чем слава? В бою, на бивуаке в

бессонные ночи о чем я мечтаю? О ней! Она предо мною, как искра, танцует, взвивается в небо, зовет! Следишь неустанно и с жадностью ловишь глазами волшебный полет. Но, взвившись, бесследно она исчезает, ее поглощает вдруг мрак... Очнешься на бурке, и вновь ты в Московии, и вновь пред тобой бивуак! Вам, гетман великий, достались лавры в далекой иной стороне, а здесь, под московским посадом иль лаврой, я славу увижу во сне. Ну, что ж! Разверну свою конную лаву, я с нею погибну в бою... Да, только за славу, военную славу я пью и хвалу ей пою!

ХОДКЕВИЧ. О, кровь молодая! Слушай, Зборовский! Грозные вести: силой несметной, как темная туча, русская рать идет на Москву. Поднял их Минин, ведет их Пожарский, раненый князь. С ними не справиться мне. Наши в осаде погибнут в Кремле.

ЗБОРОВСКИЙ. Страшные вести. Что же нам делать?

ХОДКЕВИЧ. Если б погибли их предводители, смятение охватило бы их ряды... Надо проникнуть тайно в их стан... Мне нужен бесстрашный, неуловимый... Ты понял меня?

ЗБОРОВСКИЙ. Убийство!.. Убийство!.. Вот что скрывается в этих словах! Ты посылаешь меня на убийство!..

ХОДКЕВИЧ. Убийство — нелепое, детское слово. На карту поставлена честь короля. Впрочем, я вижу твое колебание. Если боишься...

ЗБОРОВСКИЙ. Раскается каждый, кто мне скажет, что я труслив! Но что-то мне душу щемит, что-то неясно... Дай мне помыслить!

ХОДКЕВИЧ. Не о чем мыслить! В шатре ожидает одежда казацкая, там приготовлен лихой аргамак. Дорога известна, сейчас они в ста верстах. Король узнает

о том, кто армию спас. Слава безмерная, слава великая! Ротмистр, ты станешь навек знаменит!

ЗБОРОВСКИЙ. Гетман, ты прав! Лишь слепец безрассудный отринет фортуна свою! Я совершу этот подвиг лихой, капризную славу поймаю! Где одеянье? Жди меня, гетман! *(Убегает в шатер.)*

За рекой появилось дальнее зарево. **ЗБОРОВСКИЙ** возвращается в одежде запорожца.

ХОДКЕВИЧ. Неузнаваем! Верю в удачу! Желаю удачи! Скачи в Ярославль!..

ЗБОРОВСКИЙ. Ты обещал мне славу, запомни это, гетман великий! *(Скрывается.)*

Темно.

АКТ ВТОРОЙ

Картина пятая

Конец лета. Заглохший сад, в нем разрушенная часовня. Ночь. Луна.

МАРИЯ. Вновь над землю полоненной безмолвно поднялась луна. Тоскливый час, о, час бессонный! Лишь только светом бледным луна зальет печальные сады, отходит сон от глаз, мечтанья душу мне смущают. Я знать хочу, кто этот путник молодой, что проходил вчера и взор мне бросил нежный. Как он красив, на нем не наше одеянье. Как ты красив, казак! Мысль грешная опять его увидеть преследует меня. Я отогнать ее хочу и отогнать не в силах! Да, снова легкие шаги!.. Он! Это он! Кто тут?

ЗБОРОВСКИЙ. Не бойся, девица, меня.

МАРИЯ. Ты напугал меня. Скажи мне, кто ты?

ЗБОРОВСКИЙ. Не бойся, я зла не причиню тебе.

МАРИЯ. Скажи мне, кто ты?

ЗБОРОВСКИЙ. Я запорожец, стан наш рядом, недалеко. Позволь мне яблоко сорвать, я голоден.

МАРИЯ. Ну, что ж, сорви, теперь они ничьи. Разорены сады, разорены селенья наши.

ЗБОРОВСКИЙ. Второй уж раз сегодня я прохожу украдкой здесь и вижу, ты грустишь одна. И мне вдруг стало грустно и вспомнилась родная Украина.

МАРИЯ. А хорошо у вас на Украине?

ЗБОРОВСКИЙ. Края бесценные мои! Нет в мире сладостней природы! Там в реках голубые воды, там звезды водят хороводы, в дубравах свищут соловьи!

МАРИЯ. Страна чудес!

ЗБОРОВСКИЙ. Страна родная!

МАРИЯ. Несчастный край наш разорен, зачем пришел на пир кровавый?

ЗБОРОВСКИЙ. Я не рожден для мирной жизни. Узнав о гибели отчизны, пришел, чтоб увенчаться славой!

МАРИЯ. Хвала тебе!

ЗБОРОВСКИЙ. Какой ценой купил мечтание о ней! Я зажил жизнью иною, бесстрашно жертвовал собой и не считал в походе дней. Я встретил здесь тебя случайно, тебе одной доверю тайну. Рассудок мой ты помutilа, ты сразу сердце покорила, я не вернуся больше в бой. Покинь, покинь страну печали, бежим со мной!

МАРИЯ. Ты обезумел! Что с тобой? В тот час, когда пришла беда, будь проклят тот, кто строй покинет!

ЗБОРОВСКИЙ. Теперь пусть все на свете сгинет! Такой, как ты, не видел никогда!

МАРИЯ. Оставь меня, грешно тебе! Своею песней соловьиной ты истерзал меня. Люблю другого я, он узник, цепь его в крови. Какие б ни были страданья, я не нарушу обещанья, не изменю своей любви! Уйди! И не

смушай меня. А я останусь здесь в покинутых садах томиться и смотреть, как над землю полоненной плывет безмолвная луна...

ЗБОРОВСКИЙ. Несчастлив я. Прости меня.

МАРИЯ. Вернись к себе живой. Меня забудь, прощай.

ЗБОРОВСКИЙ. Постой, не уходи, скажи мне имя на прощанье.

МАРИЯ. Мария, я дочь Минина.

ЗБОРОВСКИЙ. Удача! Слушай, Мария, второй уж день ищу я здесь Пожарского и твоего отца. Меня прислали к ним. Владею важной тайной я. В Кремле московском знаю ход подземный, через него поляков можно взять.

МАРИЯ. Какое счастье, что встретила тебя! Пожарского стоянка здесь. Отец и он придут за мной.

ЗБОРОВСКИЙ. Я тотчас возвращусь, переведу коня сюда поближе. Пусть подождут меня. Они не пожалеют.

МАРИЯ. Я провожу тебя. *(Уходит со Зборовским.)*

Выходит **МИНИН.** Некоторое время он один, затем появляется **ПОЖАРСКИЙ.**

МИНИН. Здравствуй, князь. Я жду тебя.

ПОЖАРСКИЙ. Что поздно ночью, Козьма Захарович? Аль что случилось?

МИНИН. Да, князь. Прибежали гонцы. Гетман Ходкевич из-под Можайска тронулся прямо к Москве. Здесь медлить боле мы не можем, нам надо стан снимать и под Москву спешить.

ПОЖАРСКИЙ. Нет! Что бы ни было, а тотчас выйти мы не можем. Поспешностью Москвы мы не спасем, а только ополчение загубим.

МИНИН. Тебя ли слышу, князь?

ПОЖАРСКИЙ. Да, выслушай меня. Я знаю, что говорю. Пусть подойдет те ополченья, что подойти долж-

ны от украинских городов. Что делать мне без них с моею малой ратью, с голодной ратью и босой? Те города, что не видали от поляков притеснения, святому делу не усердны, обещанных нам денег не дают. А в ополченье стои стои от ссор и неурядиц, и всякий бьет о жалованье мне челом. Чем мне кормить детей боярских, стольников и всех людей служилых. Как празднолюбцев-воевод унять? Нет, тронуться сейчас нельзя. Подмоги дайте мне, подмоги!

МИНИН. Не верится мне, князь, что слышу я тебя. Не ты, не ты, другой передо мной! Ужели малодушие тебя смутило? Ты дело начал доброе, и вот о нем ты не радеешь. Многомолебные писания от старцев в презрение хочешь положить! Покуда будем ждать подмоги, Ходкевич подойдет к Москве, и будет труд великий всеу и ополченья сбор напрасен! Молю тебя, не медли, князь!

ПОЖАРСКИЙ. Так я укору заслужил! Ну, что ж, коль нерадив я, неискусен, зачем же на меня вы время это наложили? Держались бы другого, и разумом и духом сильнейшего меня!

МИНИН. Опомнись, князь, теперь не время и гнев, и ссору воздвигать. Не медли, князь!

ПОЖАРСКИЙ. Нет, плох совет твой, Минин-Сухо-рукий, я не послушаю тебя.

МАРИЯ. *(Входит.)*

МИНИН. Что ты, Мария, не вовремя пришла?

МАРИЯ. Прости мне, батюшка, я с вестью. Казак из стана запорожцев прискакал и ищет князя, чтоб сказать, как в Кремль проникнуть тайным ходом.

МИНИН. Казак? Откуда же он тайну знает? Ну, если знает, что ж, добро!

МАРИЯ. Он скачет, это он!

МИНИН. Ну, что ж, поговори с ним, князь. Я подожду тебя. *(Уходит в тень.)*

ЗБОРОВСКИЙ появляется.

МАРИЯ. Вот, запорожец, тот, кого ты ищешь. Перед тобою князь Пожарский.

ПОЖАРСКИЙ. Ты знаешь тайну, запорожец?

ЗБОРОВСКИЙ. Да, князь, и сейчас ты ее узнаешь! *(Выхватывает нож, бросается к Пожарскому.)*

Раздается выстрел. ЗБОРОВСКИЙ падает. МИНИН выходит, в руках у него пистолет.

МИНИН. Ох, девки, девки!.. Дома ли, в походе, вы одинаковы!.. Зачем стоянку указала?

МАРИЯ. Не гневайся, он обманул меня!.. О, боже!..

МИНИН. Носи, князь, панцирь. *(Наклоняется к Зборовскому.)* О, нет, ты не казак! Твой час пришел, не лги, откройся.

ЗБОРОВСКИЙ. Я — Конрад Зборовский, ротмистр я хоругви польской и званием своим горжусь... Ах, что-то жжет под сердцем...

МИНИН. Кто ходит тайно, нож припрятав на груди, тот будь готов, тот будь готов!.. Ты нож свой больше не подынешь!

Послышалась труба.

Князь, поспешим, мы опоздаем. *(Уходит. За сценой):* Эй, собираться! А коня возьмите!

ПОЖАРСКИЙ. О нет, меня влечет неудержимо взглянуть ему в лицо! Я видел смерть в бою, но коварства я не ожидал. Не думал я, что, как змея, ползет убийца. Теперь он жалок мне.

МАРИЯ. Князь, отойди, мне страшно!.. я дрожу!.. *(Зборовскому.)* Покайся в этот час, покайся! Ты отходишь...

ЗБОРОВСКИЙ. О нет! Не каюсь я ни в чем... и смерти не боюсь... лавром повиты.. лавром... Гетман! мне душно... Гетман, где моя слава?.. *(Затихает.)*

ПОЖАРСКИЙ. Вот смертная тень легла на лицо.

Он был и красив и молод... Зачем, зачем он поспешил и не дождался боя?

МИНИН. Ну, что же, князь, бог спас тебя. Да будет он тебе защитой, коль вновь другой убийца нож над тобою занесет. Но горе будет всей земле, коль под ножом падешь в своем безумном промедленьи. Погибнешь ты, а без тебя не выиграть нам боя под Москвой!

ПОЖАРСКИЙ. Эй, кто тут? Снимайте стан! Труби поход! Мы на рассвете выйдем!

Темно.

Конец второго акта.

АКТ ТРЕТИЙ

Картина шестая

Площадь в Костроме. Двор воеводы. Колокольня. Двое ратных.

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. Стой! Кто идет?

ВТОРОЙ РАТНЫЙ. Сам постой! Кто идет?

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. Что ты? Аль ошалел? Здравствуй, кум!

ВТОРОЙ РАТНЫЙ. Будь здоров! Аль и вас нарядили в заставу?

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. Нарядили и нас, вот и ходим. Какие вести, брат?

ВТОРОЙ РАТНЫЙ. Шут их знает! Толкует народ, что из Нижнего к нам ополченье идет, под Москву собираются с ляхами биться.

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. Ишь ты, брешут безлепицу!

ВТОРОЙ РАТНЫЙ. Не безлепица, нет! Пробегали гонцы, говорили идут. Воеводе-то нашему за беду это стало. Вот и дал он наказ засекасть им пути, не пущать в Кострому. А народ-то гонцы те смутили! Вот и веле-

но нам, чтоб хватать всех чужих, а схвативши, их в погреб!

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. Будет прях в Костроме! Не пришлось бы с своими рубиться!

ВТОРОЙ РАТНЫЙ. Ладно, там поглядим. А куда да...

Шаги.

Стой! Кто идет?

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. Стой! Кто идет?

МОКЕЕВ. Я, божий человек, странничек...

ВТОРОЙ РАТНЫЙ. Не похож...

МОКЕЕВ. Никого не обижу я, так уж и вы меня не обижайте!..

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. Куда идешь-то?

МОКЕЕВ. Иду, иду по всей земле светлорусской, во чистые поля, во дремучие леса, в горы крутые, высокие... Иду, иду, распеваю стихи херувимские...

ВТОРОЙ РАТНЫЙ. Проходи отсюда! к лешему!

МОКЕЕВ. А это, что ж, колокольня у вас?

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ.. А ты сам, что ль, не видишь? Ослеп? Колокольня!

МОКЕЕВ проходит, потом вбегает на колокольню, бьет в колокол.

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. } Батюшки! Ах ты, щучий сын!
ВТОРОЙ РАТНЫЙ. } Слезай!

НАРОД начинает сбегаться ко двору воеводы. Выбежали РАТНЫЕ.

НАРОД. Колокол бьет, заливаается! Набат? Набат? <Не в посаде ли загорелось? Не горит ли город?>¹ Молебен служить будут... Может, наши поляков осилили?

¹ Заключенный в скобки текст принадлежит Б. В. Асафьеву.

МОКЕЕВ. Православные! Меня слушайте! Идут сюда ратники, удалые молодцы, ополчение святорусское. А ведет его воевода удалый, князь Дмитрий по прозванию Пожарский... Оставляйте дома ваши, становитесь с нами во единый ряд... Сражаться идем за родную землю!

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. } Слезай, окаянный стран-
ВТОРОЙ РАТНЫЙ. } ничек, стрелять будем!

НАРОД. Не трожь странника! Правду странничек молвил нам! Станем мы с ополчением промыслять за один!

ШЕРЕМЕТЬЕВ. (*Входит со стражею.*) Что случилось?

ПЕРВЫЙ РАТНЫЙ. } Вот он, странничек, народ
ВТОРОЙ РАТНЫЙ. } поднял!

ШЕРЕМЕТЬЕВ. Ах, тетери вы треклятые! Вор, смутьян он, а не странничек! Снимай его, бери его!

НАРОД. Не трожь странника!

МОКЕЕВ. Я и сам сойду! (*Спускается с колокольни.*) Бьет челом тебе, воевода, князь Пожарский! За мной идет он следом с силою великою. Подымай народ на Москву идти! (*Подает грамоту Шереметьеву.*)

НАРОД. Читай грамоту!

ШЕРЕМЕТЬЕВ. Вот тебе грамота! (*Рвет грамоту.*)
Изменник князь твой дерзостный!

НАРОД. Не изменник он! Рады с князем мы у великого дела стоять, за царство страдать наше до смерти!

ШЕРЕМЕТЬЕВ. Ох вы, темные, ох вы, глупые! Вы забыли, что ль, что народ наш весь от мала до велика клялся царю и великому князю Владиславу Жигимонтовичу всея Руси! Кричите ему многая лета, а воров тех дорожных не слушайте!

РАТНЫЕ. Многая лета! Многая лета! Многая лета!

МОКЕЕВ. Врешь! Не хочет народ на Москве царя Владислава некрещеного!

НАРОД. Не хотим! От польских людей вера наша поругана, наши села стоят разоренные! Узнали мы прелесть вражью! <Узнали мы вражью спесь.>¹

ШЕРЕМЕТЬЕВ. Подослали мне тать! Будешь помнить ты, как народ мутить! (*Выхватывает пистолет, стреляет в Мокеева.*)

МОКЕЕВ. Ответишь ты, воевода, за меня, гонца... (*Падает, затихает.*)

ЖЕНЩИНЫ В НАРОДЕ. Ай!.. Убил!.. (*Разбегаются.*)

НАРОД. Ты пошто гонца порешил, злодей?

Вдруг далеко звякнул колокол. НАРОД затихает. За сценой слышен, приближаясь, хор.

ХОР. Ой, вы, гой еси, люди добрые,
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен, дочерей,
Пойдем-ка мы сражаться
За матушку, за родну землю,
За славный город Москву!
Уж заполонили-то Москву поляки злы,
Разобьем мы их, перевешаем,
Самого-то короля их в полон возьмем!

Вдали пушечный выстрел. Опять колокол.

В НАРОДЕ. Идут, идут... Идет ополчение, рать несметная! Идет с пушками!

ШЕРЕМЕТЬЕВ. Запирайтесь в городе! Будем мы отбиваться от них боем огненным!

РАТНЫЕ. Как же биться нам со свои-ми-то?

Послышался выстрел, вбегает группа РАТНЫХ.

ВБЕЖАВШИЕ РАТНЫЕ. Обманул ты нас, воевода! То не шайка идет, идет сила несчитанная!

¹ Заключенный в скобки текст принадлежит Б. В. Асафьеву.

ШЕРЕМЕТЬЕВ. Запирайте ворота, подпирайте их бревнами! *(Скрывается со стражей.)*

Бегают первые из ополчения. За ними выезжает на коне **МИНИН**. Сходит с коня.

МИНИН. Граждане костромские! Что ж делаете вы? Все люди из дальних и ближних мест, все с нами стали воедино, чтобы нам чужеземцев прогнать! А вы все чужеземцам рабски кланяетесь!.. Кто гонца убил?

НАРОД. Воевода наш... Он, злодей, ляхам кланяется!

МИНИН. Не в бою сложил голову, от руки пал изменника. Поднимите его, отнесите его, воздадим ему почести!

РАТНЫЕ уносят **МОКЕЕВА**.

Воевода где?

НАРОД. На дворе со стражей заперся!

МИНИН. Эй, берите двор приступом! Не бывать ему более воеводою!

НАРОД. Не бывать! Не бывать ему воеводою!

ОПОЛЧЕНЦЫ вслед за **МИНИНЫМ** бросаются на воеводин двор. Оттуда грянул выстрел.

В это время послышался за сценой хор.

ХОР. То не тучею солнце затмевается,
То знамена над войском развеваются!..

Послышались набаты (тяжелые барабаны).

То не громы гремят, растекаются,
То набаты гудят, заливаются...

Показался первый отряд — русский.

То не соколы черноперые,
Едут головы с шестоперами!

НАРОД. То не соколы черноперые, едут головы с

шестоперами. С ними воины доброконные! Они в тяжелой броне, они хлещут коней! Други ратные!

РУССКИЙ СТРОЙ. Эх, народ костромской, чего мешкаешь? Надевайте броню, становитесь в наш полк, выручать наше царство великое!

В НАРОДЕ. Аль мы хуже других? Станем с ними в их полк выручать наше царство московское!

За строем русских появляется строй татар.

ХОР ТАТАР. Как у князя служат многие,
Люди всякие, люди разные!..
С князем мы пойдем караванами,
И со стрелами и с колчанами!..

За строем татар идет строй мордовский.

МОРДОВСКИЙ ХОР. Славен Дмитрий князь, наш
батюшка!
Он идет сквозь леса с войском-силою!
А у нас-то мечи все заветные,
Рукояти у них самоцветные!..

За мордовским строем опять русский строй, и с ним едет ПОЖАРСКИЙ.

НАРОД. То не соколы ввысь взвиваются, то вся Русь встает, поднимается!

МИНИН. (*Появляется, с ним ополченцы — тащут связанного Шереметьева.*) Вон ведет полки выручать Москву светел-радошен князь! Пойте славу ему, славу довеку!

ВСЕ. Едет витязь наш, удалой едет князь! Все от старого и до малого ему славу поем, славу довеку!

ПОЖАРСКИЙ. Здравствуйте, граждане костромские славные!

З а н а в е с .

АКТ ТРЕТИЙ

Картина седьмая

Светлый осенний день. Стан донских и запорожских казаков под самой Москвой. Стоит Гуляй-город. В стороне шатер ТРУБЕЦКОГО. Среди казаков атаман ПЕТРУСЬ. Он гол до пояса, в шелковых шароварах, опоясан барсовой шкурой. ПЕТРУСЬ играет в карты с казаками.

ПЕТРУСЬ. Моя! Моя! Моя!

Пушечный выстрел.

КАЗАКИ. Забивает всех Петрусь!

ПЕТРУСЬ. Давай деньгу и не трусь!

Вбегает ДОНСКОЙ КАЗАК.

ДОНСКОЙ КАЗАК. Гетман погнал русских с переправы!

ПЕТРУСЬ. Отобьются!

КАЗАКИ. Отобьются!

ПЕТРУСЬ. Моя! Моя! Моя!

ДОНСКОЙ КАЗАК. Казаки! А мы-то как же?

ПЕТРУСЬ. Каждый ходит своим шляхом!

КАЗАКИ. А мы не будем биться с ляхом!

ПЕТРУСЬ. Конечно! Ну, теперь гуляй душа! Эй, шинкарка, давай бочку!

Выкатывают телегу, на ней бочка. У бочки шинкарки ОДАРКА и ОЛЕСЯ.

Я — Петрусь!

ОДАРКА. А я — Одарка!

ПЕТРУСЬ. Хороша у нас шинкарка! Наливай, Петрусь богат! (*Швыряет перстень Одарке.*)

ОДАРКА. Становитесь, хлопцы, в ряд!

КАЗАКИ пьют.

Что ж казаки заскучили? Подавай сюда цимбалы! Воевода наш чудной, славен он на целый свет! Он пошел на ляхов войной, да на речке потерял он след! Хлопец вражий след нашел, слез с коня, в шинок зашел. Чарку хлопец в рученьки берет, за шинкарочку он лихо пьет. Просит он коня напоить, вечерком прийти погостить. Ах, приди, приди, мой казак, в хате я теперь одна. Сбегаю сама я в наш кабак, зелена вина принесу!

Первой пошла плясать ОЛЕСЯ, за нею пустились КАЗАКИ. Появляется МАРИЯ. Пляска оборвалась.

ПЕТРУСЬ. Уж не виденье ли это? Нет, живая девка!

ОДАРКА. У казаков своих мало!.. Ты, красавица, не трусь. Заходи до нас в кружало. Он солодкий, пан Петрусь.

МАРИЯ. Храбрые казаки! Поляки нас одолевают. Что ж делаете вы?

ПЕТРУСЬ. Не пойдут голодные казаки драться.

МАРИЯ. Кольца сверкают на пальцах твоих!

ПЕТРУСЬ. Выиграл кольца я у своих.

Пушечный выстрел.

МАРИЯ. Изменники! Будьте вы прокляты!

ОДАРКА. Что ж это вы терпите, казаки?

ПЕТРУСЬ. Не тронь ее, она девка смелая! Уйди отсюда, пока жива!

ОДАРКА и ОЛЕСЯ убегают. Входит поспешно ПОЖАРСКИЙ.

ПОЖАРСКИЙ. Где воевода ваш?

Из шатра выходит ТРУБЕЦКОЙ.

Что делаешь ты с нами, князь? Где твоя совесть? Одолевает гетман нас! А ты стоишь!.. Ты помоги нам!

ТРУБЕЦКОЙ. Не властен. Вы учинили казакам обиду. Мы ждали вас, а вы отдельным стали станом. Вы земским жалованье заплатили, казаков обошли!

КАЗАКИ. Обидели! Обидели!

ПОЖАРСКИЙ. Забудь обиду в страшный час! Стань первым, подчинюсь тебе. Ударь на гетмана, ударь! Не справиться нам без казаков!

ТРУБЕЦКОЙ. Не властен.

МИНИН. *(Входит.)* Довольно. Довольно. *(Пожарскому.)* Дмитрий Михайлович! Дай мне последние три сотни конных, я сам ударю гетману в крыло. Не справимся — умрем. Умрем, но унижаться больше мы не станем! *(Казакам.)* Играйте в зернь! Пейте! Пропьете честь, отечество и жизнь! *(Уходит.)*

ПОЖАРСКИЙ. *(Трубецкому.)* Да ляжет это на тебя, князь Дмитрий Тимофеич! *(Уходит.)*

МАРИЯ. *(Петрусью.)* Бесстрашный атаман! Пойди, пойди к своим на помощь!

ПЕТРУСЬ. Ты опять?

МАРИЯ. Ведь жалко! Там наши пленники томятся! Там у меня жених в темнице... Дождетесь, что самих поляки заберут, на цепь посадят!

ПЕТРУСЬ. Уйди!

МАРИЯ. Я не уйду, я буду вечно вашей совести укором!

Появляется АВРААМИЙ ПАЛИЦЫН с громаднейшими узлами.

АВРААМИЙ. Здорово, казаки!

КАЗАКИ. Здорово, монах!

АВРААМИЙ. Пришел казакам славу петь я, аз, многогрешный! Кто встал за веру первым? Казак! Зато гремит казачья слава во всех концах и городах! И вот за подвиги досталась казаку только нагота!

ТРУБЕЦКОЙ выходит из шатра.

Нет денег заплатить казакам! Казаков нечем накормить! И порешили мы, пушай заплатит вам сторицей Сергей! (*Развязывает свои узлы.*) Возьмите их, казаки, поделите...

ПЕТРУСЬ. Что ты сказал? (*Выхватывает саблю.*) Ворами аль разбойниками объявить нас хочешь? Нас земские обидели, а этот вдвое обижает!

КАЗАКИ. Убить его! Завязывай узлы, монах!

АВРААМИЙ. (*Упав на колени.*) Простите их великодушно! Казаки, поглядите! Идет последний судный час!

МАРИЯ. Погибнете и вы!

ПЕТРУСЬ. (*Трубецкому.*) От ваших ссор всем гибель учинится! Зачем казаков вы смутили? Вели сделать, не то уйду один я с куренем!

ТРУБЕЦКОЙ. Снимайте табор! Бей тревогу!

КАЗАКИ бросились со сцены.

МАРИЯ. Слава тебе, атаман!

АВРААМИЙ. (*Завязывает узлы.*) Сергей!.. Сергей!..

МАРИЯ. Меня, меня с собой возьмите!

ПЕТРУСЬ. Такой упорной девки я не видел. Убьют тебя!

МАРИЯ. Пускай убьют. (*Убегает с Петрусем.*)

Гуляй-город вдруг двинулся и пошел. Послышался топот.

КАЗАКИ. В Крым-городе сидит Струсь. Не журись, идет Петрусь! И гремит, и звенит, Струсь из пушек палит. Не жги пороху, Струсь, твоих пушек не боюсь! Мы на быстрых конях, берегись, хитрый лях, с тебя голову казаки за единый снимут взмах! (*Слышен оглушительный свист.*)

Конец третьего акта.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина восьмая

Та же темница, что и в первой картине. Место ГЕРМОГЕНА пусто. ПАХОМОВ, прикованный, лежит на земле.

ПАХОМОВ. Я жив еще, но силы угасают. Мне не видать земли родной свободной и счастливой. И скоро, скоро жизнь меня покинет. Я погибну в темнице сырой, вдалеке от невесты, Марии моей! Не видать больше светлого дня, погибаю я, цепью звеня. Но душа не болит, я спокоен и горд. За меня отомстит мой великий народ! Я погибну в темнице сырой, вдалеке от невесты, Марии моей... Не видать больше светлого дня, погибаю я, цепью звеня...

Вбегает ФЕДЬКА АНДРОНОВ.

А ты зачем пришел? Взглянуть, как узники от голоду в темнице погибают? Я думал, что натешилась твоя душа, когда вы Гермогена уморили. Но видно, тебе мало... Ну, что ж, приди еще... настанет мой черед и очень скоро... Желаю умереть, как умирал старик. Ни слова жалобы чтоб вы не услышали. Приди, приди, но только ты не жди потехи. Мучитель!

АНДРОНОВ. Прости меня, Илья, за все, что было! Забудь, прости! Я ключ принес открыть твои оковы, принес кусочек хлеба. Видит бог, тебя мы не морили. В осаде сами голодали, падали ели. Прости, Илья!

ПАХОМОВ. Да что с тобою случилось? Тебя, боярин, не узнать!

АНДРОНОВ. Кремль ополченье осадило, сдаются им поляки!

Послышался далекий взрыв.

Убьют меня, Илья, убьют, не пожалеют! За что, Илья? Ведь присягал я Владиславу и свято я держал присягу! За что, владычица, за что?

ПАХОМОВ. Открой мне цепи, дай напиться, окаянный!

Послышался шум.

АНДРОНОВ. О, господи, идут! Я при тебе побуду...
(Бросает ключ, скрывается в угол.)

МАРИЯ. (Вбегает.) Кто здесь живой есть? Отзови-тесь!

ПАХОМОВ. Здесь человек живой... ко мне... сюда...

МАРИЯ. Илья! Илья! О, не смотри так страшно! Неужто ты не узнаешь людей? Нашла, нашла тебя! Сбылось мое мечтанье, сбылось!

ПАХОМОВ. Мария, ты ли? Нет, не верю! Сколько раз я был обманут сновиденьем, я видел призраки во тьме...

МАРИЯ. Взгляни, взгляни, узнай меня!

ПАХОМОВ. Глаза мои от света слепнут.

МАРИЯ. Я выхожу тебя, забудешь ты свои мученья!

ПАХОМОВ. Беги, беги, ведь этот ход сгубил меня! Беги отсюда!

Шум. Вбегают ПЕТРУСЬ и с ним несколько КАЗАКОВ.

ПЕТРУСЬ. Нашла?

МАРИЯ. Откройте ему цепи!

ПАХОМОВ. Мне все равно не жить.

МАРИЯ. Ты не умрешь! Ты не умрешь! В моих руках ты!

ПЕТРУСЬ. Зачем же помирать теперь? Дыши.

КАЗАКИ открывают цепи ПАХОМОВУ.

Кто это прячется в тени?

АНДРОНОВ. Я не поляк, я не поляк! Андронов, свой я, братцы!

КАЗАКИ. Андронов Федька? Вот он! Вот он!

АНДРОНОВ. Я цепи открывал ему! Я хлеб ему принес!

ПЕТРУСЬ. Вяжите Федьку! *(Выходит.)*

Связанного АНДРОНОВА КАЗАКИ увлекают вон.

МАРИЯ. Ты не умрешь, в моих руках ты, мой милый!

ПАХОМОВ. Здесь по ночам меня манили сновиденья... я не могу поверить счастьем своему! Ты вновь со мной, со мной!

МАРИЯ. Вернулась я к тебе и больше мы не разлучимся никогда!

ПАХОМОВ. Моя подруга!

МАРИЯ.

ПАХОМОВ. } С тобой, с тобой навек!

МАРИЯ. Прошли навек печали, любовь горит еще сильнее, и грозвые дали не омрачат счастливых дней!

ПАХОМОВ. Прошли навек печали...

МАРИЯ. Любовь горит еще сильнее...

ПАХОМОВ. } И грозвые дали не омрачат счастли-

МАРИЯ. } вых дней!

Темно.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина девятая

Спасские ворота в Кремле. НАРОД. В Спасских воротах показываются кони. Выезжает ТРУБЕЦКОЙ, за ним КАЗАКИ. Затем выезжают ПОЖАРСКИЙ и МИНИН, за ними — ОПОЛЧЕНИЕ.

НАРОД. Солнце пылает на шлеме его, радость сияет во взоре его. Слава Пожарскому, слава! Живи и

здравствуй много, много лет! Слава Пожарскому, слава! Живи и здравствуй много, много лет! Слава Пожарскому, слава!

МИНИН. Свободен отчий дом, он перед нами, и снова мы в отечестве своем!

НАРОД. Спасителям народа слава!

МИНИН. О, нет, о, нет, не нам!

ПОЖАРСКИЙ. Не нам!

МИНИН.

ПОЖАРСКИЙ. } Народу слава!

ТРУБЕЦКОЙ. }

ВСЕ. Вражьи знамена пред нами упали. Славу спасителям пойте своим! Отечество наше мы отстояли, всегда отстоим! Слава героям, родину спасшим, слава! Слава героям, родину спасшим, слава!

К о н е ц .

Публикация
М. Козловой

ПЕРЕПИСКА Б. В. АСАФЬЕВА С М. А. БУЛГАКОВЫМ
(1936—1938)

1. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

10/VII. 1936. Поленово
[Дом отдыха ГАБТ]

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Сюда вчера приехал Мел[ик]-Пашаев¹ и сообщил мне радостную весть: Вы кончили «Минина»². Разрешите, поэтому, Вас от души поздравить и приветствовать. 11-го, т[о] е[сть] завтра, сюда возвращается Мутных³ и я сговорюсь с ним, как наладить нашу встречу. Не терпится!..

Я здесь с 24.VI. Дней шесть отдыхал, а потом попытался залпом осилить эскизы «К[авказского] пленника»⁴, но чуть просчитался: очевидно, годы не позволяют работать по десять — двенадцать часов! Во всяком случае, к 15.VII собираюсь «Пл[енника]» кончить⁵ и тогда сразу начну думать над «Мининым», ибо в успех этого дела глубоко верю и увлечен пламенно. Привет В[ашей] супруге. Крепко жму Вам руку и еще, и еще раз сердечно поздравляю. Всего Вам доброго.

Б. Асафьев

2. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

23.VII.1936
[Ленинград]

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, что я уехал, не повидав Вас и не позвонив Вам. Я чувствовал себя очень плохо в Москве, и еще когда был у Вас вечером — еле-еле справлялся с

собой, чтобы не выдать мучавшей меня невралгии и неладностей с сердцем.

Пишу Вам, чтобы еще раз сказать Вам, что я искренне взволнован и всколыхнут Вашим либретто. Вы не должны ни нервничать, ни тревожиться. Я буду писать оперу, дайте только отдышаться и дайте некоторое время еще и еще крепко подумать над В[ашим] текстом в связи с муз[ыкальным] действием, т[о] е[сть] четко прощупать это действие. Обо всех своих соображениях буду Вам писать. Не сердитесь, если буду надоедать.

Умоляю, не терзайте себя. Если б я знал, как Вас успокоить! Уверяю Вас, в моей жизни бывали «состояния», к[отор]ые дают мне право сопереживать и сочувствовать Вам: ведь я тоже одиночка. Композиторы меня не признают [...] Музыковеды, в большинстве случаев, тоже. Но я знаю, что если бы только здоровье, — все остальное я вырву у жизни. Поэтому, прежде всего, берегите себя и отдыхайте. Привет супруге. Всего, всего Вам доброго.

Б. Асафьев

3. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

Телеграмма
[17.X.1936. Москва]

Вчера шестнадцатого кончил нашу оперу приветы.

Асафьев

4. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Телеграмма¹
17.X.1936 [Москва]

Радуюсь горячо приветствую хочу услышать.

Булгаков

12.XII.1936

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Спасибо за приезд, за чуткость. Но сперва о Морд-
ве. Пока из моих изысканий по этой части ничего не
вышло. В занятной книжке Чичагова¹ (Жизнь кн[язя]
Пож[арского], келаря Палиц[ына] и гражд[анина] Мини-
на)² сказано, что в Юрьевце Поволгском соединились с
армией татары, зависевшие от России, но неясно, что
это за татары. У Платонова³ сказано, что бездомные
смольняне, вязьмичи и дорогобужцы, лишившись поме-
стий в своей области, желали получить земли в Арза-
масском уезде, но и оттуда были выгнаны мордвою!⁴
В любопытных Очерках Мордвы⁵ Мельникова⁶
много сведений о восстаниях мордвы, но как раз
на годы 1611—1612 от таких восстаний ничего не
приходится: мордву, по-видимому, усмирили крепко в
1609 г.! Очерка Мельникова⁷ Ниж[ний] Новгород и ни-
жегородцы в смут[ое] время⁸ я еще не достал, но ду-
маю, что там вряд ли фигурирует мордва. Достал я
еще занятную книжечку И. Беляева⁹: О русском войске
в царств[ование] Мих[аила] Фед[оровича]¹⁰, думаю, что
там найдется кое-что о составе армий и ополчений до
Романовых. И кое-что интересное нашлось, но не по
части инородцев (кроме татар: о последних говорится в
разрядах о коннице, в которую входили Новокрещены,
Мурзы и князья Татарские!¹¹). Вот пока и все. Думаю,
что нижегор[одскому] ополчению и целям объединения
государства мордва не могла сочувствовать и вряд
ли входила в состав ополчения¹². Вытащить ее на опер-
ную сцену будет поэтому трудновато. Но на самый
крайний случай несколькими приволжско-инородчески-
ми напевами я обладаю. Куда только их вклеить? Они
завучат пятном всюду. Разве только, если самим нам

придумать сцену в стане русского ополчения?! Но, боюсь, длинноты!.. Словом, как видите, с Мордвой плохо.

Клави́р «Минина» корректирую и на днях его кто-л[ибо] свезет. Самочувствие у меня гнусное. Потерял энергию, не могу работать и чувствую, что как-то схожу на нет. Прочитал изъяснение Самосуда¹³ в «Сов[етском] иск[усстве]» о том, что «Поднятая целина»¹⁴ идет в первую очередь¹⁵ и успокоился: значит, нечего торопиться — «Минин» в этом сезоне поставлен не будет и увидит свет, в лучшем случае, через год после своего окончания. В самом деле, если в феврале «Руслан», то значит «Целина» не раньше середины апреля. Ну, а там какой-ниб[удь] балет (здесь говорят о «Сне в летнюю ночь» Мендельсона), где же «Минин»? Если же «Руслан» запоздает до марта, то отодвинется и «Целина» [...]

Приезд Ваш и Мелика вспоминаю с радостью. Это было единственно яркое происшествие за последние месяцы в моем существовании: все остальное стерлось. При свидании нашем я, волнуясь, ощутил, что я и человек, и художник, и артист, а не просто какая-то бездонная лохань знаний и соображений к услугам многих, не замечающих во мне измученного небрежением человека. Я был глубоко тронут чуткостью Вас обоих. Сердечное спасибо...

Привет Вашей супруге. Намерены ли Вы ждать решения судьбы «Минина» или можно начать думать о другом сюжете уже теперь? Сюжет хочется такой, чтобы в нем пела и русская душевная боль, и русское до всего мира чуткое сердце, и русская философия жизни и смерти. Где будем искать: около Петра? В Радищеве? В Новгородских летописях (борьба с немцами и всякой прочей «нечистью») или во Пскове? Мне давно вся русская история представляется как великая оборонная трагедия, от которой и происходит извечное русское тягло. Знаете ли Вы наметки Грибоедова о

«1812 год», т[о] е[сть] наброски трагедий из этой эпохи? ¹⁶ Тема, тоже давно меня манящая ¹⁷. Там также личность ликвидируется тяглом. Конечно, бывали просветы (Новгород и Ганза, Петр и Полтава, Александр I и Париж), когда наступала эра будто бы утех, право государства на отдых после борьбы за оборону, и отсюда ненадолго шло легкое раскрепощение личного сознания от гос[ударственного] тягла, но и эти эпохи — мираж. Действительность с ее лозунгом «все на оборону» — иначе нам жить не дадут и обратят в Китай — вновь отрезвляла умы. Простите за косноязычие рассуждения, это всего лишь наброски для того, чтобы указать Вам, чего мне хочется. Трагедия жизни Пушкина, его «Мед[ный] всадник» ¹⁸, Иван IV, жертвующий Новгородом; Екатерина II, жертвующая своими симпатиями к франц[узской] вольтер[ианской] культуре, а вместе и Радищевым, и Новиковым; Петр, жертвующий Алексеем ¹⁹; Хмельницкий (Украиной в пользу Московии) и т. д., и т. д. — все эти вариации одной и той же оборонной темы. Не отсюда ли идет и на редкость странное, пренебрежительное отношение русского народа к жизни и смерти и невероятная расточительность всех жизненных сил?!

Ваш Б. Асафьев

P.S. Убедился, что не знаю и не могу найти адреса Мелик-Пашаева. Очень прошу Вас отослать ему прилагаемое письмо. Секретов нет. Извините за беспокойство.

Б. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Москва 9.I.[19]37 г.

Дорогой Борис Владимирович!

Не сердитесь за то, что до сих пор не написал Вам.

Не писал потому, что решительно не знал, что написать.

Сейчас сижу и ввожу в «Минина» новую картину и поправки, которые требуют. [...]

Я ценю Вашу работу и желаю Вам от души того, что во мне самом истощается, — силы.

7. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

13 февраля [19]37 г. Москва

Дорогой Борис Владимирович!

Ко мне обратился молодой композитор Петунин и сказал, что хочет писать оперу о Петре, для которой просит меня делать либретто.

Я ему ответил, что эта тема у меня давно уже в голове, что я намереваюсь ее делать, но тут же сообщил, что Вы ее уже упомянули в числе тех, среди которых ищите Вы и, что если Вы захотите осуществить Петра, я, конечно, буду писать либретто для Вас.

Итак, желаете делать Петра или хотите остановиться на чем-нибудь другом, насчет чего мы с Вами можем подумать?

Если Петра не хотите, я скажу Петунину, что Петр свободен, а так как я все равно либретто это, полагаю, буду делать (если Большой примет тему), то пусть он сговаривается с Большим, пробует, тем более, что он строит свои надежды на этой опере.

Напишите мне срочно, пожалуйста.

Приветствую Вашу супругу и Вас.

М. Булгаков

16.II.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, пишу спешно (есть оказия) и карандашом. Не могу писать большого письма, т[ак] к[ак] все еще измотан «Партизанами»¹. Вкратце: о работах с Вами. Петра обязательно со мной. Я подбираюсь к нему давно и не хотел бы ни его, ни Вас уступить кому-либо². Затем, с Вами же намерен делать Хаджи Мурата³ (тоже давно облюбовываю и с ужасом услышал, как Керженцев⁴ назвал эту тему для оперы в числе желанных: я его умолял никому ее не выдавать). И, наконец, в третью очередь (с Вами же) 1812 год по наметке трагедии А. С. Грибоедова. Все остальное пусть с Вами работают другие!.. Если останусь жив, непременно сделаю эти три вещи.

Две дополнит[ельные] картины «Минина» совсем сложились в голове. В первый же свободный день запишу и отдам переписать. Вот только никак не могу сломать Лобного места. Прямо беда!

Вставка о дележе Российского царства необходима. Почему бы в польский лагерь не мог попасть с какими-либо поручениями Федька Андронов? Что, если Хоткевич с ним выходит из шатра, на каком-то незавершенном разговоре, раздосадованный неуступками. Нет надобности, чтобы моск[овские] бояре, сигизмундовцы, были какими-то розничными торговцами клочками родины*, но важно раскрыть колонизаторско-интервенционистский смысл смутной поры и противопоставить этому где-то — хотя бы через слова Минина — государст-

* Впрочем, в Федьке Андронове могли быть иудины свойства и измерзить его не жалко.

венно-организационную политику городов Приволжья,— и из этих-то слов, что поляки-де тут не останутся и мелочью не удовлетворятся, и должен вытечь тост Хоткевича! Или эта вставка может быть перед словами Хоткевича после тоста, перед его зовом в поход («близок рассвет»). Для музыки это удобнее. Словом, я лично понял, что вставка эта по своему смыслу для кого-то важна и нужна.

Итак, умоляю.

Привет В[ашей] супруге, Мелику. Музыку дополн[ительных] сцен скоро пришлю. Костромой⁵ я доволен. Мордовскую тему нашел.

В сущности, я не понимаю, почему нельзя разучивать «Минина». Семь картин?! Ведь «Целину» же готовили до ее окончания?! А моя фирма в техническом отношении прочнее.

Целую Вас.

Б. Асафьев

9. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Телеграмма 17.II.[19]37

Начинаю постановку Минина Заканчивайте музыку кратчайший срок Немедленно ознакомьте Дмитриева¹ оперой

Булгаков

27.I.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Новый вариант либретто получил. Все хорошо, особенно сцена в Костроме. Зарезана только моя муз[ыкальная] концепция Лобного места! Как тут выбраться, пока не знаю! Напишите или телеграфируйте, санкционировал ли Комитет В[аши] добавления. Если да, я готов быстро все досочинить, чтобы не было отговорок, что опера не готова. Хотя я и понимаю, что ее очередь после дожидчика в четверг, но хочу, чтобы на меня вина не падала за столь длительную отсрочку. Кстати, Мелик-Пашаев не ответил мне на целых три письма. Он отступился от «Минина» или его отступили?! Привет В[ашей] супруге. Сердечно обнимаю Вас и умоляю не сдаваться.

Б. Асафьев

P.S. Да, здесь меня осаждают из Нижнего (Горький) просьбами разрешить им постановку «Минина». Сообщите В[ашу] точку зрения. Я их послал в Комитет.

Телеграмма 20.II.[19]37¹

Кончил и сдал [в] переписку вторую картину первого акта пишу картину шестую — *Асафьев*.

12. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

Телеграмма 23.II.[19]37¹

Кончил костромскую картину сдал переписку шлю письмо приветы — *Асафьев*.

13. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Телеграмма 5.III.[19]37

Ваши телеграммы получил Радуюсь Жду нетерпением музыку Обнимаю

Булгаков

14. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Телеграмма 10.III.[19]37

Почему задерживается присылка музыки Телеграфируйте Приветы

Булгаков

15. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

12.III.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, что молчал. Замучили репетиции «Партизан» и «Казначейши»¹. Дни уходят на это. Ночами же работал над музыкой (инструментовка) для «Бориса» для МХАТа². А так как я очень изнурен, то времени для остальных дел нет. Итак, сперва отвечаю на телеграммы Вашу и Вл. Ив. Мутных. Не посылал двух дополнительных сцен потому, что у нас кризис с переписчиками. Все хорошие перегружены в данное время, а плохим — зря давать. Еле-еле мне удалось уговорить пе-

реписать эти две злополучные сцены к 13/14 марта. Завтра надеюсь уже их проверить и тогда пошлю, хотя еще не знаю с кем. Польскую сцену я пока не трогал. Лобное место не выходит с дополнениями. Либо надо его сохранить, либо писать заново, п[отому] что нельзя на данной музыке сломать ее эмоциональное развитие, не разрушив всего смысла композиции. Ужасная штука в опере — резонерство! В сцене у Минина мне в одном месте пришлось вставить слова (Вы их выправите). Ваш Мокеев, толкаясь по Москве, слышал толки об Илье (Гонсевский Ильюшу на цепь приковал). Но мне необходимо, чтобы он, где-то на базаре или в кабаках, услышал речи и про бояр, предавшихся полякам. Иначе Мокеев сообщает все только для Марии. Это выходит блеклым. Я прибавил поэтому слова: «слышал еще я о боярах молву: спорят о власти и делят предатели нашу страну, шведов и Польшу зовут на Москву...»*. Конечно, Вы сделаете это ярче, и сделать необходимо.

Теперь иное: я, собственно, удивляюсь спешке с потным материалом дополнительных картин, а следовательно, непонятны мне и обе телеграммы, особенно В. И. Мутных («работа «Мининым» задерживается отсутствием музыки, просьба ускорить присылку»). Если опера идет, то ведь в театре к л а в и р с е м и к а р т и н, как же отсутствует музыка? Ничего не понимаю. Ведь учить-то эти семь картин можно. Но по моим сведениям опера н е и д е т. И значит «отсутствие музыки» новых картин, очевидно, задерживает не разучивание, а новый (заново) просмотр всей оперы, как это и можно понять из письма ко мне Платона Михайловича («в середине марта собираемся прослушать «Минина»). Если мое

* Это после слов Минина: Народ не забудет подвиг гонца (примеч. авт.).

предположение верно, то материал поспеет как раз к сроку. Правда, «Подн[ятую] целину» можно принимать авансом и разучивать до окончания. Но я еще композитор неумелый и незрелый, не владеющий техникой муз[ыкальной] речи, и потому я понимаю всю осторожность в отношении моей работы. И все-таки, о каком же отсутствии музыки может идти речь? Или я чего-то не разобрал, и речь шла о переработке всей музыки? И я должен выслать совсем новый клави́р? Но тогда — другой разговор. Пишу Вам и чувствую, что волнуюсь, хотя чего ради? По всем данным опера не идет. По другим же слухам ее уже сослали в Филиал. Очевидно, массовые сцены будут купюрованы? Когда у меня был Платон Михайлович и восторженно описывал мне, какой он сценически представляет себе нашу оперу с точки зрения политической значимости тематики, я все время ощущал большой размах, большой план и, следовательно, сцену Большого театра. Но если это мечты, если Б[ольшой] театр не для меня, то ведь тогда, действительно, надо пересмотреть всю оперу и многое переделать в сторону большей экономии массовых сцен, усилить интимно-лирический элемент (или просто его воссоздать), уменьшить число действ[ующих] лиц и т. д., и т. д. Словом, эти слухи о Филиале изнуряют и подтачивают мою творческую энергию едва лишь менее, чем сознание, что опера совсем не пойдет, к чему я все время стараюсь себя приучить. Ну вот пока все. Завтра надеюсь еще написать Вам, получив ноты. А строго говоря, зачем их посылать? Не лучше ли им лежать у меня. Лежит же с декабря клави́р в Москве, а «музыка», говорят, «отсутствует»? Приветы В[ашей] супруге, Вам, Мелику. «Кавказский пленник» мой совсем сгинул. Ни в балет, ни в оперу нет хода. Прямо беда.

Обнимаю Вас.

Б. Асафьев

P.S. Знаете ли книжку Любомирова (П. Г.)³ Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. (Петроград, 1917)⁴. Еще любопытные вещи я вычитал о смутном времени в одной книге 1718 года⁵, редактировавшейся, по-видимому, Петром. Вашу сцену с Шереметевым очень ценю, как историк. Мокеев, кажется, и у меня получился. Вл. Ив. Мутных не пишу отдельно. Сообщите ему мои соображения и недоумения.

16. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

24 марта 1937 Москва

Дорогой Борис Владимирович!

Обе картины получены в театре.

Одну из них, именно «Кострому», 22-го Мелик играл у меня¹. Обнимаю Вас и приветствую, это написано блестяще! Как хорош финал — здравствуйте, граждане костромские, славные!!

Знайте, что [...], несмотря на утомление и мрак, я неотрывно слежу за «Мининым» и делаю все для проведения оперы на сцену.

О деталях я Вам сейчас не пишу, потому что эти детали прохождения оперы сейчас будут так или иначе меняться, и я буду информировать Вас по мере того, как они будут устанавливаться прочно².

Но повторяю основное: помните, что для оперы делается все, чтобы она пошла на сцену.

Привет супруге.

Ваш М. Булгаков

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, все не могу засесть написать Вам обстоятельное письмо. Очень измучен «Партизанами». Но, кажется, сейчас это дело двинулось, встало на рельсы. [...] Из г. Горького мне прислали запрос о клавири «Минина». Они хотят ставить в будущем сезоне. Посылать? Они пишут, что имеют разрешение от Моск[овского] упр[авления] по дел[ам] иск[усств] на постановку! О самом «Минине» я хотел сказать Вам, что после сочинения сцены в Костроме я убедился еще более, что всякая порча сцены на Лобном месте резонерством только разбавит нарастающий народный подъем, большую эмоц[иональную] волну, кот[орая] стремится теперь отсюда на Кострому, и финал казачьего лагеря к финалу оперы (где я, пожалуй, начинаю сознавать и необходимость каких-то «проводов» народом поляков).

Мутных мне писал, что я обижаю «Филиал», а я в ответ писал, что Филиал прекрасный театр, но ведь характер-то оперы («Минина») и хотя бы хоровая фактура требуют размаха? Значит, надо будет их сжимать? Ну, ладно, будь что будет. Пока же я думаю сесть за казахскую оперу¹ (делать больше нечего, ибо никто со мной ни о чем новом говорить не хочет) и серьезно, очень серьезно, вновь размышляю о шекспировской «Буре» (давнем моем увлечении)². Что вы об этом думаете? Во мне разгулялся лиризм, некуда его деть, а если девать, то хочется не в случайное и преходящее. Кроме того, там природа — сочетание неостывшего средневековья с бекониянством³ и очень мне дорогим мудрым «взглядыванием» в суть вещей, как это было с Верди в «Отелло» и «Фальстафе». Старею, утомляюсь, хочется успеть сделать что-то существенное.

Приветы. Ваш Б. Асафьев.

15.IV.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

У нас премерзкая «весенняя» непогодица. Туман. Грязь. Меня всего ломает. Наконец-то получил переписанные новые картины. Сегодня. Но надо их проверить и затем буду искать надежной okazji, чтобы послать*. Постараюсь скорее выправить, но не ручаюсь за сегодня, п[отому] что мучает грипп (мигрень и проч.). Длительность оперы получается теперь по моим данным 1 час. 50 мин. Неужели мало? Выверю еще раз. Увертюры, программу которой мне предложил Керженцев, я пока писать не буду. Для этого мне надо иметь представление о сценическом облике спектакля, т[о] е[сть] убедиться в его реальности. Сейчас я в это не верю и никакого подъема у меня нет. Знаю, напр[имер], что «Пленник» не пойдет и потому стараюсь о нем забыть, а с «Мининым» хуже: дразнят, что, мол, кто знает, может и пойдет! [...] Почему не начинают работать над «М[ининым]», если опера идет?

Привет. Ваш Б. Асафьев**

19. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

10 мая 1937 Москва

Дорогой Борис Владимирович, диктую, потому что так мне легче работать. Вот уж месяц, как я страдаю полным нервным переутомлением. Только этим объяс-

* Но посылать ли? Если опера не идет, а начинается новый просмотр, не лучше ли и нам с Вами честь ее неготовой и начать тоже додумывать (*примеч. автора*).

** Слева на полях во всю длину листа: «Пишу опять на официальном бланке, когда-то данном в б[ывшем] Мар[инском] театре, — других нет, а не из тщеславия, не подумайте!»

няется задержка ответа на Ваше последнее письмо. Со дня на день я откладывал это письмо и другие. Не было сил подойти к столу. А телеграмму давать бессмысленно, в ней нечего телеграфировать. Вы хорошо понимаете, что такое замученность и, конечно, перестанете сердиться на меня.

На горизонте возник новый фактор, это — «Иван Сусанин», о котором упорно заговаривают в театре. Если его двинут, — надо смотреть правде в глаза, — тогда «Минин» не пойдет. «Минин» сейчас в реперткоме. Керженцев вчера говорил со мной по телефону, и выяснилось, что он не читал окончательного варианта либретто.

Вчера ему послали из Большого экземпляр.

Не знаю, как быть с городом Горьким. Какое у них может быть разрешение на постановку от Управления московского, когда председатель комитета еще не знает окончательного варианта, когда опера еще в реперткоме?

Дорогой Борис Владимирович! Вам необходимо приехать в Москву. Настойчиво еще и еще раз повторяю это. Вам нужно говорить с Керженцевым и Самосудом, тогда только разрешатся эти загадки-головоломки с «Мининым», тогда будет понятнее, что делать с г. Горьким.

Приезжайте для разговора с Керженцевым и Самосудом (о том, что Мутных уже не директор Большого театра [...]) Вы, конечно, уже знаете).

Приезжайте. Дружески приветствую Вас!

Ваш М. Булгаков

20. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

4.VII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Сердечное спасибо за письмо. Насчет «Петра» не только не остыл, но безумно рад В[ашему] известию и

готов взяться за работу в любой момент. Урывками, правда, но часто, все время, когда есть свободные часы, заглядывал в материалы по «Петру», пособрав их у себя порядком, поэтому я в «курсе дела». Значит, если Вы, милый, чуткий и добрый человек, хотите доверить свое либретто еще раз мне — мне, не только как мне, но и отверженному композитору, на которого гневается музыкальный Юпитер (как античник я не помню, гневался ли олимпийский Юпитер на тех, кого он сам обижал!), я могу только от всей души Вас благодарить. Только большая серьезная волнующая меня работа может поднять меня из состояния глубокой грусти, в какое меня загнали. Но ведь Комитет вычеркнет меня как композитора с обложки Вашего либретто? Или лучше написать и музыку, а потом уж преподнести все вместе?! Ну, Вам виднее, а я с нетерпением буду ждать либретто и еще В[аших] писем, хотя и кратких. Их я очень люблю. Привет В[ашей] супруге. Жму В[ашу] руку и обнимаю. Ваш *Б. Асафьев*.

Р. С. Известна ли Вам любопытная книжечка Шафирова (при участии Петра) «Рассуждение какіе законные причины его царское величество Петръ Первый царь (etc.) къ начатию воины против короля Карола 12, Шведского 1700 году имѣль»¹.

21. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

11.VII.1937

Милый и дорогой Михаил Афанасьевич!

Имею к Вам просьбу. Исполните ее только в том случае, если для Вас тут нет каких-либо неудобств. Дело в том, что я не знаю адреса Файера¹ и не знаю, выехал ли он за границу или он в Москве. Я думаю, Вы

могли об этом узнать от Леонтьева². Меня очень беспокоит судьба взятого у меня весной Файером и Мессерером³ редчайшего клавира первого издания «Лебединого озера», к[отор]ый мне нужен и о к[отор]ом я навожу справки, но не могу напасть на след. Если неизвестно, где Файер, то, быть может, ведомо, где Мессерер? Простите меня за беспокойство по такому пустяку, но мне сия пропажа огорчительна, и я хочу продолжить свои поиски. Здесь носятся упорные слухи, что в Б[ольшом] театре пойдет «Пленник». Но так как от дирекции мне не было и нет никаких сообщений ни о чем подобном, то пребываю в сильном сомнении и полагаю, что лучше после поправки (пока еще лежу) сесть сочинять что-л[ибо], чем зря инструментировать «Пленника». Пишу Вам об этом на тот случай, чтобы Вы знали, что время на сочинение «Петра» есть, даже ценой здоровья. Правда ли, что в Москве кто-то где-то осмелился напечатать несколько строк о «Минине» порядка сообщения о том, что вот-де есть такая вещь?!⁴ Кто этот храбрец?..

Конечно, «Минин» похоронен волей Самосуда и Комитета, но я бы не хотел его хоронить. Что Вы думаете, если бы попытаться подставить под него русский же исторический сюжет с сохранением тех же характеров и типов, тоже с темой защиты родины, ибо ведь вся русская история, в сущности, всегда была и есть история обороны с вытекающими отсюда повинностями для людей. Труднее всего тут с казаками. Они поворачивают дело на Польшу. Если бы не они, то Псков или Новгород против Ливонии (!?) — вот уже и тема. Стиль музыки позволяет ее вести вглубь сколько угодно. Ставшие для меня только что доступными совершенно исключительные фрагменты старинной песенной культуры, по-видимому, новгородской, не уступающие по ценности новгородской иконописи (ритм, линия-мелодия) делают возможным кое-какне любопытные углубления в музы-

кё бывшего «Минина». Эти песни начнут продавать не раньше октября — ноября, потом пройдет время, пока композиторы их раскусят. Я не собираюсь брать темы, но изучу стиль, язык, ритм до полного своеобразного освоения. Что Вы обо всем этом думаете? Впрочем, эти песни помогут и стилю «Петра», помогут в смысле возможности уйти от надоевшего квасного кучкизма. Но возможно, конечно, усилить личную драму, перевести «Минина» на какой-л[ибо] из пограничных с поляками и крымцами эпизод борьбы казаков, как-то избежав модного «Т[араса] Бульбы» и щекотливого Хмельницкого. Вы как хозяин «Минина» не сердитесь на меня за все эти прожекты, весьма досужие! Но ведь жалко же сдаваться?! Где Мелик?! Приветы В[ашей] супруге. Жму руку и обнимаю.

Б. Асафьев

Р. С. Не забывайте. Как «Петр»? Право, я в состоянии обогнать всех. Техника у меня теперь после адовой борьбы за «Парт[изанские] дни» стала еще надежнее, ну, а силы как-ниб[удь] найду.

22. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

10.VIII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Сейчас получил В[аше] письмо. Рад, что работа на полном ходу. Жду с нетерпением. Я все время в Ленинграде, только-только начал ходить после почти трехмесячного лежания. Лета так и не почувствовал, поэтому состояние неважное. Сердечно приветствую Вас, буду ожидать дальнейших сообщений. Вести от Вас мне всегда дороги. Желая всего доброго. Поклон В[ашей] супруге.

Ваш Б. Асафьев

2 октября 1937 года¹

Дорогой Борис Владимирович, извините, что на машинке. Простудился, валяюсь, диктую.

Не писал Вам до сих пор по той причине, что до самого последнего времени не знал, что, собственно, будет моим «Петром». А тут еще внезапно навалилась проходная срочная работа, которая съела у меня последние дни.

Начну с конца: «Петра» моего уже нету, то есть либретто-то лежит передо мною переписанное, но толку от этого, как говорится, чуть.

А теперь по порядку: закончив работу, я один экземпляр сдал в Большой, а другой послал Керженцеву для ускорения дела. Керженцев прислал мне критический разбор работы в десяти пунктах. О них можно сказать, главным образом, что они чрезвычайно трудны для выполнения и, во всяком случае, означают, что всю работу надо делать с самого начала заново, вновь с головою погружаясь в исторический материал.

Керженцев прямо пишет, что нужна еще очень большая работа и что сделанное мною, это только «самое первое приближение к теме».

Теперь нахожусь на распутьи. Переделывать ли, не переделывать ли, браться ли за что-нибудь другое или бросить все? Вероятно, необходимость заставит переделывать, но добьюсь ли я удачи, никак не ручаюсь.

Со многим, что говорил Пашаев, прочитавший либретто, я согласен. Есть недостатки чисто оперного порядка. Но, полагаю, выправимые. А вот все дело в керженцевских пунктах.

Теперь относительно композитора. Театр мне сказал, что я должен сдать либретто, а вопрос о выборе композитора — дело Комитета и театра. Со всею убедитель-

ностью, какая мне доступна, я сказал о том, насколько было бы желательно, чтобы оперу делали Вы. Это все, что я мог сделать. Но, конечно, этот вопрос будет решать Комитет.

Мне кажется, что если бы либретто было бы сделано и принято, Вам следовало бы самому сделать шаги в Комитете. И, конечно, если бы они дали хороший результат, я был бы искренне рад!

[...] Буду очень рад, если Вы мне напишете и независимо от «Петра». Ирине Степановне Елена Сергеевна и я шлем привет.

Ваш *М. Булгаков*

24. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

15.XII.1937

Глубокоуважаемый Михаил Афанасьевич!

Вчера мне сообщили из здешнего Радио, что на их просьбу исполнить в виде обычного для них монтажа, как это принято делать с операми, «Минина», им ответили из Всесоюзного комитета сухим безапелляционным отказом. Смысл отказа: «опера не утверждена, еще пишется и до постановки в Б[ольшом] театре ее исполнять нельзя». [...]

Очевидно, я видел во сне, что я написал «Минина», что еще в прошлом году ее слушали и не отвергли (об этом напечатали), далее, что с марта я сделал по В[ашей] дополнительной редакции дополнительные сцены, к[отор]ые давно сданы Б[ольшому] театру. Я не раз обо всем этом писал Керженцеву. [...] Пишу Вам, чтобы выяснить следующее: Если по мнению комитета опера «Минин» еще пишется, то значит и надо что-то писать, т[о] е[сть] что-то вновь переделывать. Так не знаете ли Вы: что?! [...]

Правда, я догадываюсь, что Вам рекомендуется не общаться со мной, но ведь речь идет не о каком-л[ибо] новом Вашем либретто. Может быть, надо просто забыть и уничтожить «Минина»? Что ж, я готов. Я же просил вернуть мне клавиш и освободить В[аш] текст от моей музыки. Тогда и я буду свободен и Вы. [...] Привет супруге.

Ваш *Б. Асафьев*.

25. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Телеграмма 17.XII.[19]37¹

Посылаю письмо важным известием опере Минин

Булгаков

26. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

18.XII.[19]37. Москва

Дорогой Борис Владимирович!

Я получил Ваше письмо от 15-го; оно меня очень удивило. Ваша догадка о том, что мне рекомендовали не общаться с Вами, совершенно неосновательна. Решительно никто мне этого не рекомендовал, а если бы кто и вздумал рекомендовать, то ведь я таков человек, что могу, чего доброго, и не послушаться! А я-то был уверен, что Вы уже достаточно знаете меня, знаете, что я не похож на других. Посылаю Вам упрек!

Теперь сообщаю Вам важное известие о «Минине». 14 декабря я был приглашен к Керженцеву, который сообщил мне, что докладывал о работе над «Мининым»,

и тут же попросил меня в срочном порядке приступить к переделкам в либретто, на которых он настаивает. Кратко главное:

а) Расширение Минина (ария, которую можно отнести к типу «О поле, поле...»).

б) Противодействие Минину в Нижнем.

в) Расширение роли Пожарского.

г) Перенесение финала оперы из Кремля на Москву-реку-мост.

Что же предпринимаю я? Я немедленно приступаю к этим переделкам и одновременно добиваюсь прослушивания Керженцевым клавира в последнем варианте, где и Мокеев и Кострома, с тем, чтобы наилучшим образом разместить дополнения, поправки и переделки.

Не знаю, что ждет «Минина» в дальнейшем, но на сегодняшний день у меня ясное впечатление, что он снят с мертвой точки. В свете происшедшего понятен, как я полагаю, и ответ Всесоюзного комитета о монтаже. Я-то знаю, что Вы писали «Минина» не во сне, и я сам написал либретто не во сне, но Комитет-то считает, что работа над «Мининым» еще идет. Опера ставится под важный знак, а так как, по мнению Комитета, она может идти не в том виде, как она написана, а непременно с переделками, которые я отметил Вам выше, то, естественно, что они не дают разрешения на монтаж и отвечают, что она «не утверждена», «пишется» и прочее.

Вот самое главное сообщил, а сейчас спешу отправить письмо (оттого и диктую — для скорости, извините). Получили ли Вы мою телеграмму, посланную вчера?

О дальнейшем я Вас буду, конечно, уведомлять, а Вас прошу, если у Вас по этому письму возникли какие-нибудь вопросы, немедленно мне написать. Привет супруге.

Ваш М. Булгаков

19.XII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Категорически отметаю первый сердитый абзац В[ашего] письма. Конечно, никто Вам буквально ничего не рекомендовал и, конечно, Вы и не послушались бы при прямом натиске. Но В[ашего] нового оперного либретто я не знаю и, могло быть, что Вам неудобно было меня с ним познакомить, хотя Вы мне и сообщили о своей работе. Затем, один из ленингр[адских] композиторов показывал мне эскизы заказанной ему Б[ольшим] т[еатром] оперы на В[аше] либретто ¹. Не примите все это за упрек. Но я полагаю, что я Булгакова знаю и ценить его умею. Просто я его люблю.

Известия о «Минине» принимаю с интересом и жду дальнейшего. Как только Вы с Керженцевым закончите новую редакцию, я берусь с максимальной решимостью и быстротой выполнить все, чего бы Вы ни пожелали. Единственно, о чем я умоляю — принять все меры к тому, чтобы сохранить сцену в Костроме: у меня на нее большой и, кажется, верный расчет!

Запрещение «Минина» в виде монтажа на Радио я теперь понимаю. Но когда я Вам писал письмо, я по газетным уведомлениям руководства Большого театра знал только, что «Минин» находится где-то на седьмом месте и все еще пишется, и я решительно не понимал, почему некоторые оперы, которые действительно пишутся в то же время репетируются и чинятся, объявляются законченными, и отрывки из них повсеместно исполняются, и это идет в похвалу, на пользу, не вызывая запретов. О моих же даже исполняемых и с большим успехом идущих вещах принято молчать.

Но как бы там ни было, я рад, что о «Минине» вспомнили и что его не сдали в архив. Я с удовольствием вер-

нись к этому сочинению, а главное, опять к работе с Вами, и пусть даже за этой третьей редакцией последуют еще другие — пусть до «Минина» поставят еще два-три дредноута из Ленинграда — я от работы не откажусь никогда.

Сердечный привет. Не надо на меня обижаться: в 53 года бороться за признание и право быть композитором и за право писать не только балеты, а и оперы и симфонии — дело нелегкое. Привет супруге. Буду ждать вестей.

Ваш *Б. Асафьев*

Р. С. Привет Мелик-Пашаеву.

28. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

21.XII.[19]37

Дорогой Борис Владимирович!

Если Вас серьезно интересует судьба «Минина», предупреждаю Вас, что Вам необходимо теперь же приехать в Москву. Захватите с собою Ваш экземпляр клавира.

Привет супруге.

Ваш *М. Булгаков*

29. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

23.XII.1937

Дорогой Михаил Афанасьевич!

На упрек, что меня не интересует судьба «Минина», мне Вам нечего сказать. Я не понимаю только, зачем Вам-то понадобилось так* волновать меня?! Из прекрасного доброго письма ко мне Керженцева я ясно по-

* Что значит это «предупреждаю»?.. Не надо (*прим. авт.*).

нял всю суть переработки «Минина». До сих же пор Вы отлично и чутко во всех отношениях писали весь текст без меня и, как мне казалось, Вы были довольны моей музыкой с точки зрения понимания Вашей превосходной работы. Зачем же мне Вам, столь чуткому автору, мешать? Я спокойно жду 3-й редакции, принимаю все указываемые Пл[атоном] Мих[айловичем] пожелания и только должен сберечь свои силы, чтобы их выполнить. Доктор категорически запрещает мне ехать. Как же быть?! Привет супруге. Вполне в Вас уверенный Ваш
Б. Асафьев.

30. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Телеграмма 24.XII.[19]37

Немедленно выезжайте Москву

Булгаков

31. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Телеграмма 25.XII.[19]37

Привезите собой девятикартинный клавир Минина
Булгаков

32. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

25 декабря 1937 г.

Дорогой Борис Владимирович!

21-го декабря я послал Вам письмо, где предупредил, что Вам нужно выехать в Москву. Я ждал единственно возможного ответа — телеграммы о Вашем выезде. Ее

нет. Что же: Вам не ясна исключительная серьезность вопроса о «Минине»? Я поражен. Разве такие письма пишутся зря?

Только что я Вам послал телеграмму, чтобы Вы выехали. Значит есть что-то очень важное, если я Вас так вызываю.

Повторяю: немедленно выезжайте в Москву.

Прошу Вас знать, что в данном случае я забочусь о Вас, и помнить, что о необходимости Вашего выезда я Вас предупредил.

Ваш *М. Булгаков*

33. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Москва 2.II.[19]38

Дорогой Борис Владимирович!

Посылаю Вам первое из дополнений к «Минину» — арию Минина в начале второй картины.

Вслед за нею начну высылать остальные дополнения.

Да, проверяя экземпляр, нашел ошибку. Я в рассеянности неправильно разметил порядок картин: «Кострома должна быть непременно шестой, а не четвертой картиной (исторически не может идти раньше летних картин: у поляков и у Марии). Очень прошу Вас принять этот порядок.

Шлю Вам привет. Как чувствуете себя? Когда опять в Москву? Я очень рад, что Вы побывали в ней. Прошу передать приветствие Ирине Степановне.

Ваш *М. Булгаков*

34. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ

Москва 7.II.1938

Дорогой Борис Владимирович!

В прошлом письме послал Вам арию Минина во второй картине. Получили? В этом посылаю дополнения к третьей картине (в Нижнем, на Лобном месте).

Приветствую Вас!

Ваш *М. Булгаков*

35. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ¹

Телеграмма 10.II.1938 г.

Получил оба письма очень благодарен прекрасные тексты постараюсь написать ответч[ающую] словам музыку шлю привет

Асафьев

36. Б. В. АСАФЬЕВ — М. А. БУЛГАКОВУ

Телеграмма [15.II.1938]¹

Жду новых текстов на присланные музыка написана

Асафьев

37. М. А. БУЛГАКОВ — Б. В. АСАФЬЕВУ¹

Телеграмма 21.II.1938

Нездоров на днях вышлю дополнения Привет

Булгаков

10.IV.1938 г. ¹

Дорогой Борис Владимирович, посылаю при этом дополнения к «Минину» ².

Ваш *М. Булгаков*

4.VI 1938

Дорогой Михаил Афанасьевич!

Простите, что долго Вам не писал. Я так скорбно и горестно похоронил в своей душе «Минина» и прекратил и работу, и помыслы над ним, что не хотелось и Вас тревожить. В Б[ольшом] театре и в Комитете меня как композитора знать больше не хотят. Это мне было ясно, еще когда я сидел у Вас и просил клавир. Кстати, клавир в целости и сохранности лежит близко от Вас в надежных дружеских руках, и если у Вас его никто не спрашивает, то я просил бы Вас повременить с изъятием его из этих рук (Николай Яковлевич Мясковский, Сивцев Вражек, 4, кв. 11, тлф. А[рбат] 1—52—13). Лето, б[ыть] м[ожет], буду жить под Москвой. Приветы В[ашей] супруге. Жму руку.

Ваш *Б. Асафьев*

В предлагаемой вниманию читателя переписке использованы следующие материалы:

1) Материалы отдела рукописей Института русской литературы Академии наук СССР, Ленинград (ОР ИРЛИ АН СССР): ф. 369, ед. хр. 348 (письма Б. В. Асафьева к М. А. Булгакову) и ф. 369, ед. хр. 306 (письма М. А. Булгакова к Б. В. Асафьеву).

2) Материалы Центрального Государственного архива литературы и искусства СССР, Москва (ЦГАЛИ СССР), ф. 2658, оп. 1, ед. хр. указываются в тексте.

В личном фонде Б. В. Асафьева (ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1) имеется ряд материалов по созданию оперы «Минин и Пожарский».

В частности (ед. хр. 90): «М. А. Булгаков. «Минин и Пожарский». Либретто для оперы Б. В. Асафьева. — Два варианта. Машинопись с правкой автора, пометками, дополнениями к тексту и набросками музыкальных тем Б. В. Асафьева, комментарии Б. В. Асафьева и И. С. Асафьевой к истории написания оперы.

20 июля 1936 г. — 2 февр. 1938 г.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891—1940) — русский советский писатель и драматург, автор пьес: «Дни Турбиных» (1926), «Бег» (1928), «Мольер» (1936), «Последние дни» («Пушкин», 1940), автор инсценировок: «Мертвые души» по Н. В. Гоголю (1932), «Дон-Кихот» по Сервантесу (1941). Некоторые произведения М. А. Булгакова явились основой либретто опер, среди них «Мастер и Маргарита» (муз. С. М. Слонимского).

Предлагаемая вниманию читателя переписка Б. В. Асафьев — М. А. Булгаков посвящена периоду совместной работы композитора и либреттиста над оперой «Минин и Пожарский».

К письму № 1

¹ Мелик-Пашаев Александр Шамильевич (1905—1963) — советский дирижер, народный артист СССР.

² Имеется в виду окончание М. А. Булгаковым работы над либретто оперы «Минин и Пожарский».

³ Мутных Владимир Иванович — в то время директор ГАБТа СССР.

⁴ Речь идет о балете-поэме «Кавказский пленник» в 3 действиях по А. С. Пушкину. Либретто Н. Д. Волкова.

⁵ Клавир балета полностью закончен к 16. VII. 1936 г. Инструментован в августе — сентябре 1937 г.

К тел. № 3

¹ Дата отправления телеграммы проставлена в соответствии с карандашной пометой внизу на бланке.

К письму № 5

¹ Чичагов Никифор Петрович (? — 1855) — русский писатель.

² Имеется в виду произведение Н. П. Чичагова «Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина». Спб., 1848.

³ Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, профессор Петербургского университета, руководитель дипломной работы Б. В. Асафьева «Негласный комитет императора Александра I (1801—1803). Историческое исследование из эпохи преобразовательных стремлений императора Александра I в первые годы его

царствования». Заметное сочинение Б. Асафьева (1908). Подлинник (Маш. с правками автора) находится в ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 212, л. 113.

⁴ По-видимому, Асафьев ссылается на исследование С. Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.», Спб., 1899, 2-е изд. — 1937.

⁵ Имеется в виду исследование: «Религиозные верования, домашний быт и обычаи мордвы Нижегородского уезда» (Из бумаг П. И. Мельникова, сообщ. А. А. Титовым) — (Н. Новгород, 1887) — перепечатано из «Нижегородских Губернских Ведомостей», № 48—51, 1886 г. и № 4, 7—8, 1887 г.

⁶ Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский) (1819—1883) — русский писатель.

⁷ Мельников Андрей Павлович (1855—1930) — археолог и историк Нижегородской области, сын П. И. Мельникова.

⁸ Имеется в виду исследование Мельникова А. П. «К трехсотлетию Смутного времени. Нижний Новгород и Нижегородский край. I. Исторический очерк Нижнего Новгорода. II. Этнографический очерк Нижегородского края». М., 1911.

⁹ Беляев Иван Дмитриевич (1810—1873) — русский историк.

¹⁰ Полное название исследования: «О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его до преобразований, сделанных Петром Великим» — историческое исследование действительного члена Имп. об-ва истории и древностей российских И. Беляева. М., 1846.

¹¹ «Все войско при Михаиле Федоровиче делилось на конницу, пехоту и артиллерию... Конницу составляли дворяне, боярские дети, новокрещены, мурзы и татарские князья, казаки, рейтары, драгуны и, наконец, даточные люди» — Беляев И., О русском войске., с. 3. «Третий разряд русской конницы составляли новокрещены, мурзы и князья татарские» (там же, с. 16).

¹² Здесь Б. В. Асафьев, по-видимому, допускает некоторую историческую неточность: известно, что еще в середине XVI в. мордовский народ по собственной инициативе перешел в русское подданство, активно участвовал в крестьянских войнах под рук. И. Болотникова, С. Разина, Е. Пугачева, а также в ополчении К. Минина и Д. Пожарского в годы польско-шведской интервенции.

¹³ Самосуд Самуил Абрамович (1884—1964) — советский дирижер, народный артист СССР, художественный руководитель Большого театра СССР в 1936—1943.

¹⁴ «Поднятая целина» — опера И. И. Держинского. Премьера, об ожидании которой говорит Б. В. Асафьев, состоялась 23 окт. 1937 г.

¹⁵ Имеется в виду высказывание С. Самосуда в связи с беседой с И. В. Сталиным—«Создадим советскую классическую оперу». — Комсомольская правда, 1936, 14 ноября, № 262.

¹⁶ По-видимому, Б. В. Асафьев говорит об издании: «1812 год» (план и сцена из драмы)— в кн.: Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова, т. 1, под ред. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина, Спб, 1911, с. 262.

¹⁷ Из замысла оперы «1812 год» на текст А. С. Грибоедова осуществленными оказались лишь три фрагмента (не инструментальных): ария Кутузова и марш русской армии; ариозо Даши; куплеты Дениса Давыдова.

¹⁸ Перу Б. В. Асафьева принадлежит симфония-монодрама (опера) «Медный всадник», написанная в 1939—1940 гг., 2-я ред. — 1942 (не инструментована).

¹⁹ Этот замысел был уже осуществлен Б. В. Асафьевым в 1920 г. (музыка к драматическому спектаклю на текст трагедии Д. С. Мережковского «Царевич Алексей». Предназначалась для постановки в Большом драматическом театре имени Горького, Ленинград).

К письму № 8

¹ Письмо написано в период между завершённой 3-й и предстоящей 4-й редакциями балета «Партизанские дни».

² Замысел не был осуществлен.

³ Замысел не был осуществлен.

⁴ Керженцев (Лебедев) Платон Михайлович (1881—1940) — общественный деятель. В этот период — председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР.

⁵ Речь идет об одной из картин «Минина».

К тел. № 9

¹ Дмитриев Владимир Владимирович (1900—1948), русский советский театральный художник, заслуженный деятель искусств РСФСР.

К тел. № 11

¹ Дата отправления телеграммы проставлена в соответствии с карандашной пометой внизу на бланке.

К тел. № 12

¹ Дата отправления телеграммы проставлена в соответствии с карандашной пометой внизу на бланке.

К письму № 15

¹ «Казначейша» — опера Б. В. Асафьева по поэме М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» (сценарий и либретто А. А. Матвеева). Премьера — 1 апр. 1937, Ленинград.

² Спектакль не состоялся.

³ Любомиров Павел Григорьевич (1885—1935) — русский историк.

⁴ Год издания книги Любомирова — 1915.

⁵ Речь идет о книге: Шафиров П. Рассуждение о причинах швейцарской войны. Спб., 1717; 2-е изд. Спб., 1719; 3-е изд. Спб., 1722. Это исследование характеризуется как «публицистический трактат, составленный П. Шафировым в 1717 г. и отредактированный Петром» — см.: Павленко Н. И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов) — в кн.: Россия в период реформ Петра I. М., 1973, с. 61). О редакторской деятельности Петра I см., например, ст.: «Книга в эпоху преобразований начала XVIII века» — в кн.: Накорякова К. Н. Редакторское мастерство в России XVI—XIX вв. Опыт и проблемы. Под ред. проф. А. В. Западова. М., 1973, с. 43.

К письму № 16

¹ Приводим выдержки из письма А. Ш. Мелик-Пашаева к Б. В. Асафьеву от 24. III. 1937 (подлинник хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 632): «Дорогой Борис Владимирович! Обе исполненные сцены через Юфо (то есть Ю. Файера) получили в целостности и в тот же вечер изображал их у Булгакова; [...] наслаждаюсь Костромой. В ней все так тепло, напевно, чрезвычайно искусно в смысле формы и где надо — мощно и темпераментно до чрезвычайности. Татары и мордва яркие и характерны — жаль, что мало. Хоры сделаны превосходно, превосходно и заключительное обращение Пожарского с эффектнейшим tutti финала. Словом, картина полная свежести и вдохновения. Спасибо Вам за нее [...] Михаил Афанасьевич вполне разделяет мою точку зрения насчет качества дописанных картин [...]».

² Первоначальный вариант: «будут устанавливаться».

К письму № 17

¹ Имеется в виду ряд статей Б. В. Асафьева, посвященных предстоящим гастролям Казахского государственного оперного театра в Ленинграде и, в частности, статья «Первая опера», опубликованная в «Красной газете» 27. IV. 1937. Подробнее о казахской музыкальной культуре см. следующие статьи Б. В. Асафьева: «Великие богатства казахской народной музыки». — Известия, 24. IV. 1937 (то же — Казахстанская правда, 27. IV. 1937; то же —

в кн.: Музыкальная культура Казахстана, Алма-Ата, 1955, с. 7—8); О казахской народной музыке. — Музыка, 6. V. 1937 (то же — в кн.: Музыкальная культура Казахстана, Алма-Ата, 1955, с. 8—10).

² Замысел остался неосуществленным.

³ Имеется в виду учение английского философа, основателя английского материализма, автора трактата «Новый Органон» (1620) Френсиса Бэкона (1561—1626). Основа учения Ф. Бэкона: «наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным» (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., 2-е изд., т. 2, с. 142).

К письму № 20

¹ Шафиров Петр Павлович (1669—1739) — литературный и политический деятель Петровской эпохи, автор важного политического трактата о законных причинах Северной войны. «Важный политический трактат о законных причинах Северной войны. Книга П. П. Шафирова печаталась для опровержения распространявшихся в Европе клеветнических сочинений шведов, где извращались действительные факты и Россия объявлялась агрессором. Это произведение, переведенное на немецкий язык, получило известность в Западной Европе, а в России за шесть лет выдержало три издания, что свидетельствует о его актуальности и популярности» (см.: Волоскова А. В. Дипломатическая лексика XVIII в.). Книга по поручению Петра была переведена и на немецкий язык, чтобы быть более доступной европейской публике, и в том же 1717 году появилась за границей.

Подробно об этой книге см.: примеч. 5 к письму № 15.

К письму № 21

¹ Файер Юрий Федорович (1890—1971) — русский советский дирижер.

² Леонтьев Яков Леонтьевич, заместитель директора Большого театра СССР.

³ Мессерер Асаф Михайлович (р. 1903) — советский артист балета, балетмейстер, педагог, народный артист РСФСР.

⁴ Вечерняя Москва, 1937, 27 июня, № 145.

К письму № 23

¹ Текст письма, кроме слова «копия» и подписи «Ваш М. Булгаков», — машинопись. Подлинник письма находится в ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 503.

К тел. № 25

¹ Рукописная копия телеграммы — автограф М. А. Булгакова — хранится в ОР ИРЛИ АН СССР (Ленинград). Телеграмма (на

бланке) хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 530, л. 12.

К письму № 27

¹ Видимо, речь идет об опере Р. М. Глиэра «Рашель» (либретто М. Булгакова и М. Алигер по рассказу Ги де Мопассана «Мадемуазель Фифи».

К письму № 28

¹ Весь текст письма — копия. Автограф М. А. Булгакова.

К тел. № 35

¹ Дата отправления не указана. Однако на телеграфном бланке имеются служебные отметки. Они дают право сделать вывод о том, что указанная телеграмма Б. В. Асафьева отправлена 10 февраля 1938 г.

К тел. № 36

¹ Дата отправления не указана. По служебным пометам на бланке датой этой телеграммы следует считать 15 февраля 1938 г.

К тел. № 38

¹ Автограф препроводительной записки хранится в ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 503, л. 5.

² Дополнения, о которых идет речь, находятся в ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 503, лл. 6, 7, 7 об. Л. 6: «10. IV. 1938. Дополнения к либретто «Минин и Пожарский». Акт второй, картина пятая (у Ходкевича). (Зборовский и Ходкевич.) М. Булгаков».

В ЦГАЛИ СССР, ф. 2658, оп. 1, ед. хр. 503, л. 9, также хранится машинописная копия письма М. А. Булгакова к Б. В. Асафьеву: «Москва, 20. IV. 1938. Дорогой Борис Владимирович! Посылаю при этом последние дополнения к «Минину». Привет! Ваш М. Булгаков».

Публикация и комментарии А. Павлова-Арбенина.

ОТ РЕДАКТОРА

Принимая к публикации оперное либретто «Минин и Пожарский» М. А. Булгакова и его переписку с Б. В. Асафьевым, редакция не только стремилась раскрыть интересный для музыкантов аспект творчества писателя, быть может не всем известный. Прежде всего эти материалы говорят о еще одной попытке создания советской героико-патриотической оперы во время фашистского разгрома в Германии и Италии, когда уже ощущалась неотвратимость новой мировой войны. О значении, которое придавалось такой опере свидетельствует и факт активной заинтересованности в ней не только руководства Большого театра, но и бывшего в то время председа-

теля Комитета по делам искусств при СНК СССР П. М. Керженцева, непосредственно общавшегося с авторами и помогавшего им своими советами. Из вышеприведенных материалов видно и то, что интересовались создававшейся оперой также члены ЦК партии и правительства (Керженцев докладывал о продвижении работы над ней, как он пишет, «руководящим товарищам»). Так уже в середине 30-х годов остро чувствовалась потребность содействовать средствам искусства подъему патриотических чувств советского народа, его готовности дать отпор врагу. Вспомним, что советские музыканты одними из первых откликнулись на эту потребность. В канун войны с фашизмом прозвучали такие произведения, как симфония-кантата «На поле Куликовом» Ю. Шапорина, оратория «Александр Невский» С. Прокофьева и его опера «Семен Котко». Опера «Минин и Пожарский», несомненно, была вызвана к жизни аналогичными стимулами. И только возвращение на советскую сцену «Ивана Сусанина» Глинки в новой литературной редакции временно, как казалось, оттеснило уже почти готовую оперу Асафьева — Булгакова.

Возможно, опера требовала еще доработки в музыкальном отношении. Однако заметный в данной переписке несколько обидчивый тон Б. В. Асафьева, жалобы на якобы недостаточное к нему, как к композитору, внимание со стороны руководящих искусством организаций объясняются исключительно субъективными свойствами его, как человека чрезвычайно ранимого. Факты же говорят о том, что многие принадлежащие Асафьеву партитуры балетов, такие как «Пламя Парижа» (1932), «Бахчисарайский фонтан» (1934), «Утраченные иллюзии» (1935), «Партизанские дни» (1937), «Ночь перед Рождеством» (1938), «Радда и Лойко» (1938), «Кавказский пленник» (1938), «Ашик-Кериб» (1940), «Барышня-крестьянка» (1946), «Франческа да Римини» (1947) и опера «Казначейша» (1937) были поставлены в Большом театре СССР, в Театре оперы и балета им. С. М. Кирова в Ленинграде, а также на других сценах, и лучшие из них сохранились в репертуаре до наших дней.

Опера же «Минин и Пожарский» не получила сценического завершения из-за начала Великой Отечественной войны.

В целом же факт работы над этим произведением пополняет наши познания о жизни советской музыки в предвоенную эпоху.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

<i>Т. Хренников.</i> Быть глашатаями передовых идей эпохи	7
<i>Р. Косачева.</i> Шестидесятилетию посвящается	14

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ РСФСР

<i>А. Иконников.</i> А. А. Касьянов	28
<i>И. Нестьев.</i> Ю. В. Келдыш	49
<i>Л. Илюшина.</i> Борис Штоколов	61

ПРЕМЬЕРЫ

<i>М. Черкашина.</i> «Мертвые души» — в партитуре и на оперной сцене	69
<i>Л. Крылова.</i> Балет о Степане Разине	115
<i>В. Киселев.</i> «Большой балет» показывает («Чиполлино» К. Хачатуряна и «Икар» С. Слонимского)	131
<i>Г. Касаткина.</i> Новые достижения татарского симфонизма (Восьмая и другие симфонии Н. Жиганова)	152
<i>Д. Дараган.</i> Слушая «Время»	171

<i>С. Понятовский, А. Хачатурян</i> — для альта (о сонате-песне для альта соло)	179
<i>Н. Вильнер, Очарованная Уралом</i> (о новых сочинениях М. Кесаревой)	189
<i>А. Цукер, Решая героическую тему</i>	199

ИЗ ПРОШЛОГО СОВЕТСКОЙ МУЗЫКИ

<i>М. А. Булгаков, «Минин и Пожарский»</i> (либретто). Публикация М. Козловой. К истории создания оперы Б. Асафьева	213
<i>М. А. Булгаков, «Минин и Пожарский»</i> (либретто оперы в четырех актах девяти картинах)	228
Переписка Б. В. Асафьева с М. А. Булгаковым (1936—1938)	262
<i>Л. Казанская, Основоположники марийской музыки</i>	298
<i>М. Шейхот, Композиторская организация Сибири</i> (к 35-летию со дня основания)	310

ИСПОЛНИТЕЛЬСТВО

<i>А. Тевосян, Коллектив самобытный и новаторский</i> (заметки о Московском камерном хоре)	330
--	-----

ПО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В творческих организациях РСФСР	346
Москва	346
Ленинград	350
Горький	357
Волгоград	361
Воронеж	366
Краснодар	372
Ростов-на-Дону	374

Саратов	380
Новосибирск	384
Свердловск	388
Уфа	395
Улан-Удэ	398
Махачкала	401
Петрозаводск	405
Йошкар-Ола	409
Орджоникидзе	411
Казань	413
Ижевск	417
Чебоксары	419

ЗА РУБЕЖОМ

<i>Ю. Вишняков.</i> На музыкальной орбите	423
Среди напечатанного. 1977 год	436

ИБ № 1661

МУЗЫКА РОССИИ

Выпуск 3

Составитель Григорьева Алла Владимировна

Редактор А. Курцман Худож. редактор Л. Рабенау Техн. редактор Л. Курасова Корректор Е. Васильева Сдано в набор 19/IX—79 г. Подп. к печ. 26/V—80 г. А 04847 Форм. бум. 70×108^{1/32} Бумага офсетная № 1 Гарнитура шрифта литературная Печать высокая Печ. л. 14,5 (Условные 20,3) Уч.-изд. л. 19,31 (с вкл.) Тираж 8000 экз.

Изд. № 5195 Зак. 721 Цена 1 р. 50 к.

Всесоюзное издательство «Советский композитор», 103006, Москва, К-6, Садовая-Триумфальная ул., 14—12

Московская типография № 6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул. 24.

Настоящий выпуск альманаха «Музыка России» — третий по счету — продолжает знакомить читателей с музыкальной жизнью и творчеством республик и городов Российской Федерации.

Первый выпуск сборника охватывал 1973—1974 годы. Среди помещенных на его страницах материалов статьи:

По актуальным проблемам современного творчества —

Ю. Корев. Отражать современность

Н. Жиганов. Проблемы, которые волнуют

О лауреатах Государственных премий РСФСР —

Е. Долгов. Серафим Туликов

А. Леман. Закир Исмагилов

Е. Нестеренко. Елена Образцова

О наиболее значительных премьерах —

Р. Косачева. Многоликость мира художника

(о Третьем фортепианном концерте Р. Шедрина)

М. Тараканов. Возрождение жанра

(о Концерте для флейты, фортепиано и камерного оркестра

Б. Тищенко)

Р. Леденев. Концерт памяти друга

О музыкальных спектаклях —

А. Бретаницкая. Второе рождение «Носа»

из военного прошлого —

Ю. Бирюков. Для Родины, для Армии, для Победы

(И. О. Дунаевский в годы войны)

Н. Минх. Рожденная в огне блокады

О музыкальном фольклоре —

Ф. Рубцов. Квинта — душа песни

Н. Карш — Песни Клавдии Рябовой.

1 p. 50 k.

CR